

Иван VeganaMaia Вологдин

На краю Бытия

Книга первая.
Переплетение миров

Иван VeganaMaia Вологдин

**На краю Бытия. Книга
первая. Переплетение миров**

«Издательские решения»

Вологдин И.

На краю Бытия. Книга первая. Переплетение миров /
И. Вологдин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857858-8

Странные сны о черной, безжизненной планете, терзающие ночами простого гражданина Сергея Велесова, обретают плоть в реальности, куда вторгаются странные, необъяснимые магические события и знамения, вынуждающие его помимо своей воли пойти на поиски Создателя этого мира и с головой уйти в древнюю войну Богов и Орденов за право обладания духовными силами Вселенной.

ISBN 978-5-44-857858-8

© Вологдин И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог: Хранитель Черной Планеты	6
Глава 1: Сон в летнюю ночь	12
Глава 2: Исчезнувший день	21
Глава 3: Право на жизнь	36
Глава 4: Черные крылья	50
Глава 5: Всегда есть время для разговора	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

На краю Бытия

Книга первая. Переплетение миров

Иван VeganaMaia Вологдин

© Иван VeganaMaia Вологдин, 2018

ISBN 978-5-4485-7858-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог: Хранитель Черной Планеты

Светлым, размытым пятном, окутанный плотным саваном черной бури, путник шел по зыбким, песчаным просторам неподвижной планеты, замершей в пространстве исчезнувшей галактики.

Это была не та пустыня, которую мы привыкли рисовать в своем воображении, представляя бескрайние просторы Сахары. Нет – это было совершенно иное, уникальное творение природы диковинное, незнакомое доселе человеческому восприятию, неподвижно парящее в бескрайних просторах нашей Вселенной: беззвездное, дрожащее небо еле виднелось сквозь полог поднимаемых порывистым ветром мелких, фосфоресцирующих крупиц черного песка, дарующих своим полетом мертвенно бледный, призрачный свет, скрашивающий местные барханы. Полог мельчайших частиц праха пел тихую песню нескончаемого шелеста.

Ветер жил своей жизнью, часто меняя направление, силу и напор своих струй. Он шептал сотнями голосов свои древние сказки на этой земле ни на кого и ни на что, ни обращая внимание, миллионы лет.

Ни одно светило не украшало пустой небосвод и единственное, что хоть как-то создавало ощущение движения и жизни – это яркие, огненные вспышки метеоритов часто сторающих в атмосфере планеты.

Словно севший на мель корабль этот космический объект, обладая огромной гравитацией, притягивал к себе далекие частицы разрушенных планет и звезд, когда-то в великой густоте танцующих вокруг Черной Планеты по витиеватым спиралям своих орбит.

Ни одна туча не могла закрыть окончательную цель существа, обитающего здесь. Вокруг невидимой простому человеку спирали Млечного Пути всегда присутствовал ореол чистого пространства, и лишь сверхмощные глаза протосущества могли через тысячи парсеков пристально вглядываться в мирную, зеленую планету, покрытую голубыми океанами.

Из глаз идущего по поверхности существа это выглядело бы так, словно кто-то невероятно огромный и злой пристально наблюдает за фосфоресцирующей, мерцающей воронкой галактики из глубин своей головы, в великом сосредоточении не смея отвести взгляд в сторону.

И такое существо нашлось: со стороны было очевидно, что идущий человек практически полностью выбился из сил и находится на той грани, когда движение вперед обеспечивает не изможденное тело, но воля и характер металлическим стержнем поддерживающие позвоночник изнутри.

Обреченно взирая перед подъемом на очередной, роящийся светящейся пылью, бархан черного песка, он с хриплым вздохом – полустоном принимался медленно подниматься к его вершине, измученный тяжестью собственного тела.

Все его естество, после долгого брожения по пескам становилось все более чуждым и непослушным, а неуклюжие, бесконтрольные движения еще более усугубляли эти ощущения. Тело и разум давно взывали об отдыхе, но даже небольшой перекур мог закончиться смертью. Температура окружающего воздуха была намного ниже ноля по Цельсию.

Уже ни единожды его посещала мысль, что он словно бы теряет свое «я» на этой планете, теряет смысл собственного бытия, теряет изначальную цель затянувшегося путешествия, кающуюся недостижимой мечтой, а не реально существующей точкой мироздания.

Нужно отметить, что выглядел человек довольно странно, особенно для этих мест. Было очевидно, что он совершенно не был готов к данному приключению и, по всей видимости, никогда не планировал по собственной воле посещать столь экзотичное для землянина место.

Строгий, черный, деловой костюм с красными вставками в районе воротника, с трудом угадывался в той изодранной, измусоленной куче тряпок, что ныне покрывала брненное тело

идущего. Под остатками пиджака парусила и хлопала на ветру плотная, белая ткань рубашки, одетой на плотное, молодое, загорелое тело спортсмена.

Не смотря на то, что рубашка практически полностью потеряла первоначальный цвет, превратившись лишь в серое, грязное подобие изначальной белизны, контраст с черной природой окружающих мест был настолько ярким, что очередной порыв ветра, приподнимающий полы пиджака, выделял путника ярким пятном, резко контрастировавшим с творящейся вокруг вакханалией и буйством стихии.

Единственным предметом, действительно подходящим ситуации, были плотно прилегающие к лицу очки, при ближайшем рассмотрении, похожие на сварочные.

Найденные идущим человеком совершенно случайно, на обнажённом от песчаного плена, осколке скальника, они надежно защищали глаза от едкого песка и пыли, позволяя хоть как то ориентироваться в пространстве.

Бесцветные стекла не отнимали обзора у глаз, которым едва хватало призрачного света, царившего здесь независимо от времени суток.

Рот путника, как и его нос, были замотаны мокрым от надрывного дыхания куском ткани его же брюк, плотно стянутым добротным узлом в районе затылка, в самом основании черных, коротко стриженных, блестящих от пота волос.

Время от времени, из-под мокрой тряпки, перебивая усталое дыхание, вырывался отборный русский мат. После которого идущий, ощущая прилив сил, ненадолго расправлял плечи и шагал чуть более настырно, чем прежде.

Когда сила очередной острой, злобной «трехэтажной» тирады подошла к концу, путник деревянной куклой, устало, и обессиленно скатился с очередного покоренного им черного бархана.

Обнаженное колено больно шаркнуло об обнаженный серый скальник, выглядывающий из-под песка в основании бархана, оставив небольшие клочки кожи на его неровной поверхности. Мелким бисером капель немедленно выступила кровь. Человек чертыхнулся и, зажав пятерней, поврежденный участок тела все же позволил себе наконец-то остановиться и перевести дух.

Это была не первая его остановка за все время пребывания здесь. Человек давно отметил, что постоянно перемещающийся песок время от времени оголял островки серой, скальной породы, сплошь покрытой растениями, отдаленно напоминающими земной мох – одна из загадок терзавшей его ум на протяжении всего путешествия.

От нечего делать, стараясь хоть как-то развлечь себя, путник часто размышлял о природе неподвижных, неприхотливых растений каким-то чудом оказавшихся на мертвой поверхности планеты.

Иногда сквозь невысокую поросль мха можно было разглядеть разнообразный, непонятный, мелкий мусор – призрачные следы инопланетных цивилизаций.

Путник уже давно знал, что на этой планете случайное прикосновение человека ко мху вызывало странную реакцию ростков: они просто убегали от малейшего контакта с живым существом, стараясь зарыться под ближайший, черный бархан. Мох, издавая во время бегства тонкий, едва уловимый, комариный писк и забавно семенил короткими ростками коротких корней, быстро закапываясь в привычную среду обитания.

Суть поведения странных растений по-прежнему оставалась для человека загадкой, как и то что являлось истиной из того каскада теорий, что путник построил за все время пребывания здесь, постоянно размышляя о том как он здесь оказался и что за чувство привело его сюда.

Отдышавшись и ощущая ледяные пальцы холода, проникающие под разгоряченную кожу, автоматически присмотревшись к проржавевшей детали какого-то неизвестного устройства, усталый человек, с мрачным удовлетворением подумал, что он придерживается верного курса.

На обнажившейся поверхности, рядом с ржавым обломком, четко виднелись, вдавненные чудовищным весом в камень, следы босых, человеческих ног.

Он искал эти следы. Он верно и настырно шел по ним уже множество дней в своих снах, лишь время от времени прерываясь на реальную жизнь, и его первостепенной, наиважнейшей задачей было обнаружить, найти исчезнувшего обладателя данного следа.

Зачем и для чего это необходимо, человек не знал, лишь верил, что когда он дойдет что-то великое и фундаментальное изменится в окружающем его мироздании в лучшую сторону и ледяной ад, приходящий во снах, останется лишь липким, неприятным воспоминанием в глубинах подсознания.

Это чувство смысла, необходимости затянувшегося поиска было похоже на ярую, всепоглощающую веру ребенка в светлое будущее, где наивные грезы нашли бы свое реальное воплощение в тканях реальности, например в виде желаемого подарка, под елкой.

Только чтобы получить блестящий сверток нужно еще чуть-чуть подождать, не расстраивая родителей плохим поведением...

Невероятное чутье, словно компас не позволявшее сбиться с пути, чувствовалось внутри его души как беспокойный, щекотящий зуд в районе солнечного сплетения. Стоило остановиться, либо немного свернуть в сторону, зуд становился невыносимым, вызывая приступы безумного похихикивания, так неуместно звучащего в данной ситуации.

Если бы другой, случайно оказавшийся здесь встречный странник, посмотрел на приступы смеха со стороны, он мог бы с уверенностью прийти к умозаключению, что раскачивающийся на карачках человек, совершенно определенно спятил, не выдержав испытанных перегрузок.

«Ничего, ничего! Где наша не пропадала! Найду я тебя, чудо заморское...» – мысль в голове у Путника так и осталась незаконченной, зависнув в голове бесформенным облаком туманных образов. Дальнейшего плана действий у него не было.

«Неопределенность, помноженная на легкую амнезию, что может быть лучше?» – размышлял он, стараясь не двигаться и тем самым хоть немного контролировать нарастающий зуд, гонящий его далее.

Не смотря на неподвижность щекотание, внутри нарастало, становясь нестерпимым, к тому же человек окончательно утратил тепло в кончиках пальцев, безрезультатно согревая их порывистым дыханием.

Путник тяжело сел на корточки, оторвав руки от земли и почесывая солнечное сплетение теряющей чувствительность ладонью протяжно, глухо захихикал.

Отзываясь на хихиканье, песок вокруг куска скальника задрожал. Над светящимся барханом песчинки, не смотря на дующий в противоположную сторону ветер тихо шелестя, собрались в уродливое подобие лица, которое постоянно меняло свои очертания, то собираясь воедино, то осыпаясь вновь и вновь.

Тихий, шелестящий голос протосущества, невероятно ясный и четкий в свисте нескончаемого ветра, прозвучал, перекрывая хохот человека:

– Сдавайся человек, – голос не выражал, каких бы то ни было эмоций, лишь легкое шипение и неторопливость могли хоть как то персонализировать его.

Можно было подумать, что разговаривала электронная, бездушная машина:

– Твои попытки тщетны. Ты не найдешь, ты не дойдёшь, ты сам превратишься в песок, как и тысячи шедших здесь живых до тебя.

Человек, окончательно прекратив хихикать и отодвинув в сторону повязку, закрывающую лицо, мрачно сплюнул вязкой, пыльной слюной прямо перед собой.

Не удостоив и беглого взгляда лицо из песка, он медленно, заново привыкая к речи после долгого уединения и молчания, скороговоркой забурчал себе под нос:

– Опять ты. Все не утомился. Можно сказать, я уже заскучал без твоего назойливого присутствия. Чертов хранитель этой чертовой планеты! Ты мне стал почти как брат, ненавидный и ненавидимый, но брат, в этих беспросветных поисках Бога, – человек хихикнул и ладонью размазал слюну, ставшей черной к этому моменту от попавших в нее гранул местной пыли, – тысячи человек, тысячи животных, шедших здесь, говоришь? О, их должно быть намного больше. Этот песок, покрывающий все, как ты уже говорил ранее, прах павших путников, прах животных и существ их сопровождавших, ржавчина техники, принадлежавшей им, – оторвав взгляд от слюны, человек решительно взглянул в сторону Хранителя Планеты, – Я помню все твои мрачные рассказы за это затянувшееся путешествие. Ты сам говорил, что изначально этот мир был абсолютно пустым, куском камня, парящим среди бескрайних пространств космоса. И только вечная борьба прибывающих сюда живых против мира смерти, собирающего свой урожай со всей Вселенной, скрасила его серые скалы в черный цвет роящегося праха. Я четко помню все, что творилось со мной с момента появления здесь, но практически не помню, что было до этого. Твои рассказы, это единственное, что забавляет меня в мире шелеста и белых ночей.

Черное лицо ухмыльнулось и осыпалось, но возникло вновь, собравшись из кучи праха по соседству. Механический голос хранителя прозвучал все с той же кристальной ясностью:

– Меня многие пытались уничтожить... Порождения инженерной мысли: присланные огромные механические системы защиты от моего влияния, мощнейшие импульсы энергии и разряды, армии и флоты, великие маги пытались раскроить этот мир на части, в тщетной попытке спастись от моего визита в их миры. И это слепое сопротивление не минуемому уничтожению давно не забавляет меня, утомляя своей ненужной суетой на пути к моей цели. Их сопротивление всегда отталкивалось от банального желания жить. И это было ошибкой миллиардов существ. Телесное желание жизни никогда не сможет пересилить великую идею, захватившую душу. И эта идея тысячи лет принуждает меня обращать мир за миром в пепел и прах, отсылая споры смерти к поверхностям далеких планет. Я знаю, зачем и для чего. Но знаешь ли зачем и для чего здесь ты?

Лицо Черного Хранителя вновь осыпалось в пыль. Бесконечный ветер немного ослабил свою работу, а песок, словно подчиняясь чьему-то безмолвному приказу, расступился в стороны величавыми волнами.

Мгновенно обнажившееся пространство скальника, насколько хватает глаз, завопило, заголосило комариным писком и пришло в движение.

Целые поля мха, лишённые привычного укрытия, металась в обозримом пространстве в поисках привычного прибежища. Его было так много, что Путник практически кожей ощутил многомиллионную волну ужаса исходящее от этих недосуществ.

На обнажившемся участке путник увидел множество ржавых остовов покореженных машин, возвышавшихся мрачными бастионами над грудями белеющих костей и окаменелостей.

Среди всех искореженных, древних обломков зрительно выделялось множество каменных арок, покрытых иероглифами.

Их было настолько много, что чередуясь, и сменяясь друг другом, эти каменные сооружения уходили в далекий, зыбкий горизонт, при этом некоторые из них медленно мерцали крупными, белыми сферами, находящимися в объёмах их массивных, каменных колонн.

Человек встал, и, пошатываясь, подошел к ближайшему аппарату, отдаленно напоминавшему земной, допотопный танк первых войн, огромной, бронированной коробкой, лежащий на боку.

За прозрачным куполом стекла кабины, отшлифованного песком, виднелись мумифицированные останки существа, отдаленно напоминавшего человека, только в два раза ниже ростом. Истлевшие, иссохшие останки карлика или гнома.

Резко дернувшись, сухое, мертвое лицо, стряхивая с себя вековую пыль, изламывая сухие, тысячи лет бездвижные мышцы и сухожилия, повернулось к Путнику. Мертвое существо заговорило голосом Хранителя Черной Планеты:

– Ты думал ты особенный, если тебя ведет чутье поисковика? Да, этот мертвец не обладал им. Он просто жаждал жизни для себя и для тех, кто ему был дорог, как и армия, ворвавшаяся в мои земли вместе с ним. Где он теперь? Он теперь – я. Я, я и еще раз я. И ты будешь мной рано или поздно, и вся твоя планета будет обращена в золу и пепел, отдав мне души всех существ, обитающих на ее поверхности.

Карлик рассмеялся, безобразно хрипя иссохшемся горлом, после чего продолжил речь:

– Сам Создатель, наделивший тебя силой, давно заточен в моих глубинах. Тебе не спасти его. И не спасти себя. Это все нереально! Реально лишь то, что будет там, за порогом мироздания. Вобрав в себя силу каждого живущего, став единым целым, я смогу преодолеть ту грань ненавистной иллюзии, что Создатель навешал каждому живущему на глаза, в личном эгоизме прозвав реальностью. Реальность иная. И я посмотрю, что есть настоящий мир. И никто не сможет мне помешать!

В ужасе человек медленно отступал от говорящего мертвеца. Истекающее от Черного Хранителя отчаянное желание иной жизни мощной рекой бесконтрольно втекало в воспаленный мозг Путника, вымывая, остатки личности и здравого мышления.

– Так значит, сам Создатель пленен тобой? – Путник понимал, что должен был спросить хоть что-то, противопоставляя логику и мышление инстинктивному ужасу, сковавшему душу, – Создатель всего сущего? Почему обладающий такой силой Хранитель Черных Земель не способен враз достигнуть своей цели? Зачем тебе уничтожать жизнь и живых?

– Каждый живой обладатель души. Каждая душа есть сила, сила способная менять мир. Лишь собрав все души воедино, я обрету возможность выйти за грань Бытия. Создатель все еще силен и пытается вырваться, чтобы вернуть свою власть. Он более коварен, чем может показаться.

Захрустели кости. Мертвый карлик, нажав на невидимый рычаг, с легким, скелетным стуком выпрыгнул из открывшегося колпака кабины и принялся неторопливо идти по направлению к отступающему человеку.

Мох замолк, прекратив свое бегство в барханы, стремительно собираясь в единый, копошащийся ковер за спиной карлика – мертвеца.

Из ковра, будто диковинные грибы восставали останки давно сгинувших существ. Вся эта масса смерти неторопливо, неотвратимо, молча надвигалась на Путника, заворачивая своей ирреальностью, вызывая скользкий приступ отвращения и тошноты.

– Но почему ты не уничтожишь меня сейчас? Забавляешься моим бессилием? – спросил пятящийся назад путник армию приведений и мертвецов, подступающую к нему со всех сторон.

– Я могу практически все то, на что способен Создатель. Я был одним из первых, в кого он вдохнул жизнь в этой Вселенной. Я был рядом с ним с того момента, как он начал творить окружающее мироздание и до того, пока не пленил его, сокрыв в глубинах праха, удерживая своей силой его порывы вырваться. Но я не могу его убить, не вызвав тотальный коллапс мира вокруг. Не могу захватить его душу, не подорвав основы мироздания. Серебряная энергия отца иссекаема и чем дальше он заточен внутри меня, чем больше предпринимает попыток вырваться, тем более близок к своей цели, становлюсь я. И что делает отче, чтобы помешать? В одной из попыток он для чего-то одаривает серебряной частицей простого человека с планеты Земля, создавая невидимую связь между вами как часть и целое. И этот человек, как ты уже понял и есть ты. Ненавистный ты. Твоя душа неприкасаема для меня, пока находится под защитой Создателя. Но ты уязвим в своем триединстве. Помимо души есть еще тело и разум. И именно поэтому ты мой реальный шанс подчинить себе серебряную частицу Созда-

теля и скопив достаточно душ, вырваться отсюда! Вот поэтому ты жив до сих пор и поэтому я снизошел до разговоров с тобой.

Бестелесными тенями изо мха вставали привидения привидений. Армия изуродованных призраков захваченных душ, как демонстрация мощи Черного Хранителя фосфоресцирующей, звездной рекой наконец-то обступила путника со всех сторон, не давая ему возможности отступить, куда бы то ни было.

Иссохшийся карлик подходил все ближе. Человек даже смог разглядеть остатки синей татуировки, когда то витиеватыми узорами покрывавшей его мумифицировавшееся лицо.

Маленькая мумия взмахнула рукой, и неведомая сила принудила человека сесть на корточки, придавив спину невидимой дланью, принуждая его скрючиться и стать единым по росту с мертвецом.

Карлик приблизил голову, провалами глаз впившись в глаза человека, все естество которого поглощал липкий, зеленый страх, сужая пространство до пределов лица мертвеца.

Шамкающий, беззубый рот мумии расплылся в улыбке. Обойдя путника стороной, он заговорщиске приблизил изломанные уста к уху человека, и, обжигая ледяным дыханием смерти, продолжил разговор:

– И именно поэтому, благодаря Создателю, следующая планета, на которую я обращаю свой гнев, будет являться твоим домом, человек. Я достигну Солнечной Системы своими спорами, чего бы то это не стоило! В честь моей идеи и твоя планета уже будет покорена не упокоенными мертвецами. Я освобожу живых от сосудов, клеток для их душ, воплотив их на моей планете в виде крикливого мха. И ты тоже будешь одним из них, одним из безмолвно приветствующих меня растений....

Иссохшийся рот мумии вновь искривила безумная улыбка, переросшая в хохот, ломающий ненадежно закрепленную челюсть, повисшую на тонких нитях сухожилий.

С чавкающим хрустом отвалившаяся часть тела ударила в грудь карлика и задрожала под порывами заливистого смеха.

Из глубин тела, не имея больше препятствий, вырвался запираемый веками кислый, затхлый смрад, ядовитым облаком окутавший человека и проникший в его дыхательные пути.

Последнее, что слышал человек, перед тем как его сознание окончательно помутнело, это визжание ликующего мха, стук костей и шелест надвигающегося песка.

Глава 1: Сон в летнюю ночь

На скомканных, мокрых от пота простынях, тяжело и судорожно дыша, резко сел человек из сна.

Тренированное, холодное тело его дрожало, тщетно пытаясь согреться после пережитого ужаса. Расширенные от страха карие, слегка раскосые глаза блуждали по комнате, в смешанном состоянии сознания не узнавая привычную обстановку родной квартиры.

Черные, коротко стриженные под машинку волосы блестели от капелек влаги. На затылке, у самого основания роста волос виднелся красный след, будто бы сидящий человек долгое время лежал в неудобном положении.

Прошло несколько томительных минут, пока сознание и самообладание полностью не вернулись к нему, и человек уже осмысленно нагнулся за сброшенным в ночном бреду, одеялом.

В приоткрытое окно, колебля шторы, врвался совершенно не свойственный летнему сезону, холодный осенний, северный ветер. В воздухе чувствовался запах озона и сырости. Становилось понятно, что во время кошмара вокруг панельной пятиэтажки, стоящей в одном из спальных районов небольшого города, имеющего звучное название Братск, бушевала самая настоящая буря, коих немало пронеслось в этом году по бескрайним просторам Иркутской земли.

От каждого колебания плотной ткани по комнате на мгновение растекался блеклый, серый свет раннего, неуютного пасмурного утра. Громко работал не выключенный телевизор, у соседей сверху, выдавая в пространство бессмысленную какофонию звуков какого-то дешевого, индийского фильма, под которые пожилая старушка, страдающая бессонницей, так любила коротать ночи.

Человека из сна чересчур часто мучали кошмары на протяжении полутра месяцев и поэтому он невольно позавидовал бравой бабушке за стенкой, которая практически не спала.

Мужчина скривил нос. Всем своим естеством сейчас он желал только одного: чтобы ненавистная машина наверху прекратила свою работу.

Желание, возрождающееся внутри вместе с волной бесконтрольной злобы, будто-бы нашло свое отражение в реальности. Телевизор наверху сначала смешно пикнул и зашипел, а после резко прекратил свою работу. Видимо пожилая соседка нашла в себе силы дотянуться до пульта и выключить творящуюся на экране вакханалию.

Молодой человек отметил для себя, что, не смотря на плохую погоду и привкус пережитого кошмара, его радует тишина желанной гостьей вошедшая в квартиру, царящая на спящих улицах.

С превеликим трудом, напрягая волю, он заставил себя встать на дешевый линолеум леденящий босые ступни, основательно выстуженный за ночь и закрыть оконную раму.

Где-то между спящими, покрытыми лесом холмами, сквозь скопление типичных российских многоэтажек, красил тяжелое, свинцовое небо, нежными рубиновыми оттенками, край привычного, земного светила.

Поприветствовав его улыбкой, с удовольствием прищурившись и впитывая карими глазами его лучи, молодой человек медленно и с наслаждением растер лицо и глаза руками, отгоняя остатки ужасного кошмара, терзавшего его.

Зевнув он почувствовал, как что-то неприятно хрустнуло на зубах. Проведя руками по уголкам рта, он внимательно рассмотрел подушечки пальцев, озаряемые нежными алыми тонами рассвета.

Между полосками кожи виднелись мельчайшие песчинки черной, намоченной слюной пыли.

«Как же странно – подумал человек, – что могло попасть мне в рот, пока я спал?» Брезгливо поморщившись, он торопливо направился в небольшую ванну, совмещенную с туалетом, на утреннее умывание.

Обладая незаурядным умом, человек давно пытался анализировать природу странных снов, преследовавших и мучавших его время от времени последнее время.

Конечно, ему не всегда снились кошмары, наоборот некоторые сны были полны иных событий, радующих душу и оставляющих после сна прекрасное послевкусие, словно бы после поедания любимого мороженого.

Но все же одно объединяло их воедино – их необычность. Незнакомые миры, события, люди и существа, словно являющиеся реальным отражением чужой жизни, врываются в его сознание, едва он закрывал глаза после долгого, рабочего дня.

Разные планеты в разные эпохи калейдоскопом образов прокатывались по его сознанию, иногда мимолетно, иногда давая целые каскады интереснейших видений и диалогов.

Каждое пробуждение в реальном мире, полном серости и обыденности, вызывало ощущение ирреальности именно последнего. Каждый раз ему приходилось заново привыкать к стандартным процедурам умывания, одевания, хождения на работу – беспросветным обрядам, сковавшим его жизнь на протяжении нескольких лет.

Наскоро умывшись, преодолев по ночному темный коридор, человек вернулся к кровати и отсоединил мобильный телефон от кабеля, питавшего его.

С прищуром взглянув на экранные часы, с облегчением убедившись, что пропущен лишь один звонок за ночь от одного вредного партнера, он включил звук на аппарате.

Могло быть намного хуже. Как хорошего юриста, берущегося за решение разных «неудобных» дел, его могли беспокоить в любое время дня и ночи, совершенно не беря во внимание его личное пространство и жизнь.

С учетом умываний, он примерно предположил, что, как и всегда проснулся в пять пятьдесят пять утра.

«Как по расписанию» совершенно без эмоций подумал он, – «каждое утро я встаю в пять пятьдесят пять. Еще одна странность последних месяцев. Как заколдовали право слово».

Не выпуская из рук телефон, человек всем телом потянулся вверх, хрустнув суставами и сочленениями.

Большое зеркало шкафа отразило в своих серебряных, ледяных глубинах человека среднего роста, пусть не мускулистого, но плотно сбитого, спортивного, имеющего слегка выпирающий живот от легкого пристрастия к вредной еде, под которым все же виднелись остатки усиленно тренируемого в юношестве пресса.

Широкоплечий и слегка ссутулившийся он удивительно гармонировал с окружающей его обстановкой, кажущейся таким же простой и обыденной, как и все, что составляло его жизнь.

Двухкомнатная квартира, в которой проснулся человек, с уверенностью могла бы быть охарактеризована одной крылатой фразой – холостяцкое убежище.

Было видно, что уборка – не частое явление в данном помещении: на компьютерном столе виднелись тарелки, говорящие о вчерашней трапезе за просмотром любимых кинофильмов, во множестве скопившихся на винчестерах массивного системного блока персонального компьютера.

Скомканная одежда на полу, не разобранный до конца спортивная сумка. Обстановка также спартанская – кровать, стол с монитором, мебельная стенка, которая включала в себя большой шкаф для одежды, шкаф для мелочи, несколько ящиков для носков и трусов, над которыми пафосно и не к месту возвышался стоящий там же большой, дорогой телевизор включенный на пустой, шелестящий канал.

Тяжело ступая, человек проследовал на кухню. Заваривая растворимый кофе, он трезво размышлял, что сегодняшний кошмар был, пожалуй, одним из самых страшных за все двадцать восемь лет его жизни.

Схожий ужас он испытывал разве что в детстве, когда почти месячное лежание в больнице с мамой и каждодневные уколы породили в его сознании образы ужасных, серых существ, которые рвали и жалили его плоть каждую ночь.

Потребовалось очень много времени, чтобы изгнать их из себя и превратить детские сны в мирные, легкие сюжеты, дающие отдых человеку и насыщавшие его тело силой.

Однако долгое время после этого, просыпаясь утром, он, тем не менее, испытывал тоскливое чувство, что ушедшие существа забрали с собой то необходимое ощущение адреналина, питавшее по ночам его сознание.

Ныне, человек, поглощая не хитрый, простой завтрак из блюд быстрого приготовления и куриных нагенов, с удовлетворением отметил, что ужасы и картины сна, доставляют ему так необходимое ощущение энергии и новизны среди серых, рабочих будней, из которых он никак не мог вырваться даже в отпуск.

Единственное, что обычно перебивало ощущение тоски и безысходности был флирт с дамами разного возраста и периодические визиты последних в его холостяцкое убежище.

Он прекрасно понимал, что вроде бы пора жениться, заводить семью, остепениться, но все не мог встретить ту женщину, с которой смог бы раскрыться полностью, сделать родной и надежной спутницей жизни.

Его мрачные размышления прервал телефонный звонок, звонкой трелью новомодного рингтона разрубившей тишину квартиры.

От неожиданности человек вздрогнул всем телом и выронил аппарат из рук на стол, прямо в лужу небрежно не вытертого, расплескавшегося после наливания, кофе.

Чертыхнувшись и обтерев телефон об обнаженное колено, молодой мужчина взглянул на экран полный мокрых разводов – номер был не знаком и не определился в записной книжке аппарата.

Тем не менее, как бы не хотелось обратного, нужно было отвечать – как знать, может быть это звонил новый и очень выгодный клиент?

На секунду закрыв глаза и собравшись с мыслями, он принял входящий звонок:

– Да, слушаю вас, говорите, – по устоявшейся привычке делая вид, что он бодр и работоспособен независимо от времени дня или ночи, четко, по-военному отчитался в трубку молодой человек, – говорите, я слушаю.

– Сергей... Велесов..., – голос в трубке явно принадлежал женщине. Он прорывался сквозь жуткий треск и помехи, – помоги мне, Сергей...

Отчего то, от этого далекого, смутного женского голоса, ведущего специалиста в области гражданских и трудовых правоотношений, как он величал себя на раздаваемых визитках, бросило в озноб.

Стараясь не выдать своего состояния, он постарался ответить, не меняя изначальной, бодрой интонации:

– Да, это я, чем могу помочь? Говорите, пожалуйста, четче, вас не слышно.

– Помоги мне. Избавь. Меня. От. Терзаний... Злой человек. Рядом. Злой. С тобой. Человек, – с трудом разобрал Сергей сквозь треск и помехи, – Избавь. Меня, – вновь треск и свист в телефонной трубке, – Слишком слаба. Слишком... Слаба... – голос сорвался на беспорядочный вой, стремительнорывающийся в уши Велесова сквозь пространство сотовой связи.

Последние слова были произнесены с таким нарастающим ревом безумной, женской истерики, что Сергей, потеряв самообладание, отбросил телефон от себя с такой поспешностью, словно он был ужасным и отвратительным насекомым.

Тяжело ударившись о линолеум кухонного пола, китайский аппарат с треском распался на составные части, прервав тем самым ужасный клекот и вой, раздававшийся из динамика.

В очередной раз за утро, пребывающий в глубоком шоке, Сергей лишь эпизодично помнил порядок своих дальнейших действий. Словно в тумане он поспешно собрался, нацепив на себя мятую белую толстовку с капюшоном и черные, спортивные штаны – удобное одеяние, в котором он каждый день предпочитал добираться до работы.

Даже не почистив черные кроссовки от пыли, он, не помня себя, быстро рванул к выходу, буквально на ходу сметая необходимые документы и деньги с коридорного трюмо.

На лестничной клетке Сергей понял, досадливо стукнув себя ладошкой по лбу, что не закрыл двери квартиры и не поставил на охранную сигнализацию.

Постояв в нерешительности, он все-таки нашел в себе силы, вернуться обратно, прекрасно понимая, что приоткрытая дверь будет являться замечательной приманкой для всевозможных воришек, за время его отсутствия.

– Соберись тряпка! – вслух подбодрил он себя, – это твоя квартира, в которую вложен твой труд. Было бы глупо потерять все нажитое из-за мимолетной слабости. В квартире никого нет.

Несмотря на ободряющую речь, по возвращении на лестничную клетку, закрывание двери происходило все же более торопливо и нервно, чем обычно, выдавая в действиях человека тотальную панику, поразившую его естество.

Подъездная темнота и затхлость давила на сознание как склеп. Словно утопающему, ему был необходим этот морозный, терпкий, послегрозового воздуха улицы, в который он нырнул, выходя из черного зева больших, металлических дверей, как и небольшая прогулка перед началом рабочего дня.

К тому времени, пока он добрался до небольшого, прибрежного, соснового пролеска произрастающего вдоль Братского Водохранилища, через который он предпочитал ходить каждый день по дороге к месту службы, пусть, при этом и немного растягивая маршрут, самообладание, уже прочно укрепило внутри свои позиции и не собиралось отступать под утихающим напором слабеющей паники.

Создав небольшой плацдарм спокойствия в сознании, Велесов выстраивал рациональное мышление буквально заново.

«Что это за звонок? Глупый розыгрыш? Да, вполне» – размышлял он на ходу, медленно проходя по пустынным, пыльным тропинкам прибрежной полосы Братского ВДРХ.

Друзья могли над ним так пошутить, ведь Сергей и сам нередко и довольно жестко разыгрывал их.

«Тогда почему я так среагировал?» вопрошал он себя с толикой досады от того, что видимо, стал надолго посмешищем для товарищей посредством удачной шутки, «ведь клялся же и божился, что как бы они не исхитрились, пробить мое хваленое самообладание им не удастся!»

Приняв к сведению, что все это лишь последствия дурного сна, повлиявшее на его адекватное восприятие реальности, решительно оттолкнув в глубины сознания легкие подозрения в собственной шизофрении и окончательно успокоившись, Сергей, наконец-то нашел в себе силы слегка улыбнуться красоте природы, царящей вокруг.

Шелест волн, чириканье и гомон воробьев, ведущих яростную битву за хлебную крошку, успокаивало и умиротворяло. Шум потревоженной ветром хвои грустно шептал о краткости таежного лета и грядущих осенних холодах.

Еще немного поразмышляв, Сергей выдвинул еще одну версию о том, что, может быть, он вообще незаметно для себя приспал на кухне, а телефон откинул, резко вскочив от нового кошмара.

Такое уже случалось от предельной усталости, когда он засыпал в коридорах офисных зданий или держась за поручень в общественном транспорте.

Велесов с наслаждением стянул толстовку и, не смотря на погоду, с наслаждением подставил обнаженную грудь струйкам отрезвляющего, прохладного ветерка.

Он неторопливо побрел по самой кромке воды, погружая подошву кроссовок в чавкающую грязь полосы приобоя.

Сергей уже не обращал никакого внимания на то, что ткань спортивных штанов уже были полна засохших, бурых крапинок глины от незапланированной прогулки на природе, что еще более отдаляло его образ от парадно-делового, в котором привыкли представлять пред обществом современные юристы.

«Все равно уже замарался» подумал Велесов, садясь на влажную, самодельную скамейку, созданную местным алкогольным контингентом, для более удобного и эстетичного распития низкосортных напитков местного разлива.

Запустив в руки в короткие волосы, облокотившись на точно такой же, неотесанный и грубый стол, Сергей замер, словно истукан, отрешенно наблюдая за тихой красотой открывшегося места.

Легкий ветерок гнал рябь по заливу и качал на небольших волнах маленьких водометров, суеящихся у самого берега, которые по своему обычаю расчерчивали воду, по известным только им, своим водометочным, делам взад и вперед.

Отвлечшись на секунду, с недовольным видом похлопав по карманам, он, наконец, до конца осознал, что телефон так и остался на кухне, куда так не хотелось возвращаться.

Буркнув под нос ругательство, Велесов принял прежнюю позу и, минимизировав поток мыслей, стал просто созерцать происходящее.

Из-за большого количества деревьев, склонившихся над водой, свет плохо проникал сюда. Не смотря на то, что холодное, яркое летнее утро уже полноценно вступило в свои права, здесь, под защитой раскидистых крон сосен, сохранялся призрачный полумрак.

Благодаря плеску студенной воды, создавалось ощущение, что время здесь остановилось и ничего не менялось целыми десятилетиями, а может и веками.

В ответ на задумчивые наблюдения Сергея, будто далекий мираж, к заливу прорвался звук надрывно работающего мопеда, и стих, едва коснувшись водной глади.

На том берегу небольшого залива появилась пожилая пара, выгуливавшая собаку. Они так гармонично вписывались в общую картину, что Сергей невольно, сдержанно улыбнулся, любуясь их устоявшейся семейной идиллией, как ему показалось, длившейся уже ни один десяток лет.

Они степенно вышагивали, бережно взявшись за руки и, точно также, степенно шагал большой и старый черный лабрадор, которому не требовалось поводка, чтобы привычно идти с ними в такт, сливаясь воедино, осторожно прижимаясь к ногам старика.

Они приветливо помахали ему и обычно сдержанный Сергей, легко и естественно помахал им в ответ.

Забавно тряхнув короткими, седыми волосами, старый человек крикнул ему:

– Юноша, мы не могли бы подойти к вам, потревожив ваше одиночество? Мы с супругой привыкли сидеть за вашим столиком, ожидая, пока Марс нагуляется и справит свои естественные, природные надобности. Места хватит всем, если вы, разумеется, не против нашего назойливого присутствия. Старость, знаете ли, не щадит и не милует. А более присесть и некуда.

– Нет, что вы, подходите, пожалуйста, я всегда рад новым знакомствам, – соврал Велесов, по своей скрытой натуре тяжело подпуская к себе новых людей. Но сейчас он чувствовал нутром, что это может быть приятным исключением из общего правила.

Пожилая пара широко заулыбалась и тут же направилась по направлению к столику. Уже подходя, седовласый мужчина продолжил:

– Надо сказать, дорогой юноша, нынче редко встретишь даже простого ответа на заданный вопрос. Не хочу быть предсказуемым в своих суждениях, но у нынешнего поколения, совершенно престранные суждения о беседе. Зачастую, они и друг другу то вообще ничего не отвечают, сидя в телефонах и игнорируя друзей. Бестактность... бестактность...

Выговорившись, он подошел очень близко к Велесову, и невесомо облокотившись о стол, буквально перепорхнул через его столешницу ловко присев на середину широкой скамьи, оказавшись с левого бока от Сергея.

Пожилая женщина, недовольно сморщив нос на молодецкую выходку мужа, подобрал подола длинного сарафана, больше напоминавшего старинное платье, грациозно села рядом с мужем, приняв четкую, выхолненную позу и показав настоящую, аристократическую осанку, кротко представилась:

– Марина Викторовна, но для вас можно просто Марина, – перегнувшись через спину мужа, она протянула морщинистую, небольшую руку, – о, просто пожмите, – мелодично хихикнула она, увидев, как Сергей неумело дернулся ее поцеловать, – Моего мужа зовут Виктор. Он как всегда молодиться и хорохорится, вместо того чтобы соответствовать своему положению и статусу, поэтому иногда забывает представиться.

Назвавшись в ответ по имени, Сергей осторожно пожал протянутую руку, отметив про себя ее мягкость, невесомость и приятный холодок.

Он стал незаметно рассматривать старую пару, которая тихо, будто-бы боясь нарушить магию данного места, наблюдала, как лабрадор лакает воду, распугивая водомерок.

Выглядели они так, словно сошли с Советских, рисованных плакатов о счастливом будущем, пятидесятих годов. Из-за своего положения на лавке Велесову более удобно было разглядеть сидящего рядом мужчину.

Клетчатый пиджак коричневого оттенка, явно добротнo и надежно пошитый, из кармана которого уголком вверх торчал белый носовой платок. Такие же клетчатые, чуть коротковатые брюки, обнажавшие серые носки, которые утопали в надежных и прочных коричневых ботинках.

Натянувшаяся на широкой спине ткань пиджака обнажала мощные, натруженные запястья, на одном из которых просматривался треснувший циферблат допотопных «командирских» часов.

Схожие часы, в последний раз, Сергей видел у своего деда еще в далеком детстве: его всегда привлекала их массивность, загадочность, легкое тиканье стрелок, делавшее в глазах ребенка дедушку легендарной личностью, озаряя его образ представлениями о великих делах и грандиозных свершениях им сотворенных.

Велесову казалось, что дед непременно получил их за какие-то подвиги на фронтах далекой войны, о которой он так любил слушать рассказы, сидя вместе с ним возле трещащей дровами, только что растопленной печки.

Сидящий рядом Виктор очень сильно напоминал его родственника, рано ушедшего из жизни, так и не успев посмотреть на выросшего, возмужавшего внука.

Стараясь не привлекать ненужного внимания, Велесов силился разглядеть время на часах, боясь потревожить неподвижность старца и первым нарушить молчание, завязав разговор о делах.

Слегка прокашлявшись, Виктор опередил назревавший вопрос:

– Почти семь часов где-то. Не особо ориентируйтесь на часы, молодой человек, они давным-давно встали и дороги мне, прежде всего, как память. Марина Викторовна давно просит убрать их в дальний шкаф, но... – он выдержал долгую паузу, – мы все как то не можем дойти до этого шкафа, – старик, напоминающий родного дедушку, тепло улыбнулся, повернув голову по направлению к Сергею.

Голубые, глубокие, ясные глаза, с легким, веселым прищуром и сеткой морщин вокруг уставились в лицо собеседнику:

– Странно, у молодежи ныне, постоянно крутится какой-то новомодный гаджет в руках, в котором они сидят, уткнувшись носом и не обращая внимание на жизнь, кипящую вокруг. Они обычно не интересуются временем с наручных часов. Вам на вид лет двадцать восемь – тридцать, я полагаю. Ведь так?

– Да, в точку, – ответил Сергей, – вы один из немногих, кто точно смог определить мой возраст. Обычно мне все дают несколько меньше. Сказывается то, что я выгляжу моложе своих лет.

– Ну вот, я как всегда угадал. Для меня вы молоды и юны. Себя, вы, разумеется, считаете взрослым, пожившим и устоявшимся. Так уж заведено в этом возрасте, когда юношеский максимализм успешно преодолен, а мужчина только начинает просыпаться в молодом теле. Так, где ваше мобильное устройство или планшет?

– Я забыл его дома, – с досадой в голосе ответил Сергей, – Действительно технологические новшества настолько надежно вплелись в нашу жизнь, что я чувствую себя буквально без рук. Слышал, существует даже распространенная фобия, остаться без мобильного телефона. Никогда бы не смог предположить, что я подвластен ее влиянию. Я полон отчаяния и боюсь опоздать на работу, хоть чувствую внутренне, что времени еще предостаточно. Но, к сожалению, мне пора извиниться и оставить вас. Дела не ждут.

– Время, – пожилая женщина оторвалась от созерцания воды и вмешалась в беседу, – как же оно иллюзорно! Мне помнится, в вашем возрасте казалось, что впереди вечность. Целая жизнь, полная событий, свершений, радости. И вот теперь, с вышины прожитых десятилетий, мне чудиться, что стоило моргнуть глазом, и время убежало сквозь пальцы, как вода, зачерпнутая в ладони. Вместе с ней сквозь пальцы убежала и жизнь.

– Конечно, конечно, – ответил старик Сергею, – прекрасно вас понимаю. Мои сверстники любят осуждать молодежь за их некую поспешность. Однако я тоже, когда-то был подающим большие надежды инженером Советской страны, и моя жизнь тоже была полна забот и скорости. Всегда немного торопился жить, хоть головой и понимал всю глупость, абсурдность этой гонки, – старик доверительно прикоснулся к плечу Сергея, слегка придерживая его порыв встать, – позвольте, отниму у вас еще минуту, дорогой юноша. Примите в дар эти часы, как память о нашей встрече и как напоминание, что время жизни конечно. Вас не обидит подобный дар?

– Но, эти часы дороги вам! Я не могу принять их! – Сергей замотал головой, отрицая предложенный подарок.

Старик тепло улыбнулся, от чего в уголках рта собралась целая сетка морщин, и безапелляционно сняв часы с руки, протянул Сергею массивный циферблат.

– Знаете ли, дорогой Сереженька, дорогая Мария Викторовна права. Я чересчур привязан к этой вещи. Может быть, именно вы и будете являться тем символическим шкафом, в который я вложу предмет для большей сохранности. Берите, берите, – настаивал он, не убирая протянутой руки.

Все еще пребывая в нерешительности, Велесов протянул руку в ответ. Холодный металл и кожаный ремешок увесисто коснулись поверхности его ладони.

Монументальные часы, дорогие, раритетные: строгий, черный циферблат. Справа от центра маленькое белое окошко, показывающее текущую дату – 15 июля. Стрелки, под слегка треснувшим стеклом, застыли на хорошо знакомой отметке пять пятьдесят пять. Большое колесо взвода было отшлифовано до блеска от частого взведения, но все же содержало в ребристых углублениях следы золотого напыления. Ремешок выцвел и местами был изрядно пошарпан.

Невольно, Сергей покрутил стрелки часов, коснувшись регулятора, переместив их на двенадцать часов вперед, проверяя работоспособность прочих механизмов и обдумывая

можно ли привести часы в исправное состояние. Стрелки описали полный круг на циферблате и замерли будто бы в ожидании чего-то. Вспышкой накатила легкая слабость и помутнение сознания.

Слегка поразмыслив, Сергей еще немного покрутил регулятор, повторно ощутив легкое головокружение, установив время, на одиннадцать часов вечера, предвкушая, как ворвется в пространство своей квартиры для непродолжительного отдыха и сна.

Цифра текущей даты в правом окошке слегка сместилась вверх, показывая самый краешек цифры шестнадцать.

Вдоволь наигравшись, пораженный до глубины души неожиданным подарком и щедростью немолодой пары, Велесов совершенно по-детски, восторженно воскликнул, не замечая ничего вокруг:

– Большое спасибо! Мне даже нечем одарить вас в ответ!

Марина Викторовна, грациозно, неторопливо повернула голову на громкое восклицание Сергея, с теплотой уставившись на проявление радостных эмоций на его лице:

– О, дорогой друг, для нас было невероятным подарком то, что вы вообще, увидели нас и поговорили. За последние полвека это невероятная редкость, – пожилая дама легко встала на ноги и с грустью осмотрела неказистую лавку и стоящий рядом стол, – раньше здесь была настоящая скамья. Деревянная, резная невероятно красивая. Мой муж создавая ее, вложив в нее эстетику и труд, надеясь на то, что на этой скамье будут созерцать водную гладь степенные старики и молодые мамы, с колясками и детьми, – она тяжело вздохнула, медленно проведя по шероховатой спинке новой уличной мебели, – Чугун ее остова давно покоится где-то на одной из металлоприемок, а местные алкоголики, сварганили себе лишь жалкое, шаткое подобие настоящего изделия лишь для одной цели. Последний раз мы говорили с живым человеком лет этак пять назад. Она пребывала в предельно расстроенных чувствах и даже думала утопиться и именно поэтому находилась в сумеречной зоне сознания. Между жизнью и смертью. Вы же, юноша, по-моему, вообще отказываетесь проснуться! Ваш разум застрял в сумеречной зоне и все никак не может полностью прийти в реальность или отдаться небытию. Вы сами подобны призраку, чужаку, неизвестно откуда пришедшему в этот мир. Будьте осторожны, молодой человек, вы можете остаться в этом состоянии навеки. И это будет вам великим даром и великим проклятием одновременно, – прекратив поглаживать спинку скамейки, она нежно коснулась плеча своего мужа, призывая к движению, – Пошли, дорогой, наше время истекло. Марс уже возвращается домой.

Сергей стоял, до боли сжав часы в своем кулаке. Он, испытавший за последнее время столько страха, со странным отрешением наблюдал, как старая собака легко и непринужденно пошла по водной глади на середину сонного залива ВДРХ.

Старик легко вскочил, отвечая на призыв супруги, но голубые глаза излучали грусть:

– Нам действительно пора, – с грустной улыбкой произнес он, – Наш шкаф давно истлел. И даже квартира в деревянном доме, в которой мы счастливо жили какое-то время, видимо пришла в негодность. Мы давно смирились с этим положением вещей и нам не нужна ваша помощь. А вот девушке, тщетно пытавшейся до вас дозвониться ранним утром, помощь просто необходима. Пусть она и также мертва, как и мы. Она еще может обрести покой, отправившись на новый цикл перерождения, но для этого должно свершиться отмщение, – старик взял за руку супругу, вновь слившись с ней воедино в гармоничную структуру устоявшейся семьи, – В свое время, мне нужно было оставить часы дома, дорогой юноша. Тогда бы на нас попросту не обратили внимания эти ужасные люди, – рот Виктора скривила презрительная ухмылка, – Бандиты, ворье, ничего святого. Три жизни за безделушку, которая им так и не досталась! Три мирных жизни, в мирное время советского процветания. Знаете ли, обидно, – с детской досадой в голосе проговорил он, но взяв себя в руки продолжил, – Заглядывайте в гости, юноша, –

старец улыбнулся и первым шагнул по направлению к нервно зарябившей под налетевшим, теплым ветром зеленой воде.

За ним степенно и горделиво, увлекаемая за руку, пошла жена, сопровождавшая обожаемого Виктора, даже после смерти.

Они медленно дошли по воде до середины залива и обернулись на мгновение, помахали руками в прощальном жесте.

Рядом с ними, смешно высунув язык, сидел старый черный лабрадор, переступая с лапы на лапу.

Стоящая троица покрылась рябью. Больше походящая на отражение в заливе небольшая семья медленно растворилась в легкой дымке на фоне вечернего солнца, стремящегося скорее нырнуть в ночную обитель.

Глава 2: Исчезнувший день

В глубокой задумчивости Сергей вышел на широкую тропинку, ведущую из прибрежной лесополосы в сторону горящего закатными окнами, утихающего города.

Солнце ярко мерцало на сотнях поверхностей множества стекол, отражающих вечерние лучи, от чего создавалось впечатление, что прямоугольники серых многоэтажек были обвешаны старинными, одноцветными гирляндами, как новогодние елки в преддверии праздника.

Страха не было. Мысли, то с четкой, кристальной ясностью, то запутанно и туманно роились в голове, порождая, иногда совершенно взаимоисключающие выводы.

Велесов, то с умиротворенной грустью принимал очевидный факт, что сошел с ума, и все что происходило с ним, за это утро, лишь плод его больного воображения, то ощущая реальную тяжесть циферблата старинных часов на правом запястье, начинал строить самые интригующие гипотезы, основанные на пережитых событиях.

Сергей пребывал так глубоко в своих мыслях, размышляя о том, имели или не имели минувшие события место наяву, что окружающая его суета из едущих машин и спешащих домой людей, казалась ему одним большим, пестрым, размытым пятном, наполненным разнообразными запахами и звуками.

Пошатнувшийся жизненный опыт атеиста и прагматика, никак не мог окончательно принять факт существования призраков, да еще среди белого дня, составивших ему компанию в одиноких посиделках или звонящих ему на телефон ранним утром.

«Сумеречная зона сознания» – размышлял он про себя, – «интересный термин. Полуявь, полусон. Мистика какая-то... Не удивлюсь, что на этой планете еще где-то единороги скачут, неся на своем крупе маленьких, розовых фей, как в мультиках. Бред какой-то!»

Знакомые улицы сами ложились Сергею под ноги, складываясь в заученный до автоматизма маршрут. Многоэтажки все больше отдалялись, выстраиваясь в единую цепь за спиной Велесова, пока бетонные заборы пригорода не привели его к постоянному месту работы.

– Доброй ночи Сергей Владимирович, – удивленный сотрудник охраны приподнялся из-за мониторов видеонаблюдения, расположенных за толстым стеклом, отделяющим его пост от прохода на территорию учреждения, перегородженную турникетом – а вас сегодня все с ног сбились искать. Меня раз сто спрашивали по телефону, не брали ли вы ключи от своего кабинета.

– Доброй... Прочтите, что!?! – не сразу осознал слова сотрудника охраны задумчивый Сергей.

Он автоматически взглянул на большие электронные часы над дверью, ведущей на основную территорию учреждения. Строгие, прямые, горящие красным цифры показывали полдвенадцатого.

Когнитивный диссонанс из простого, малознакомого термина во всей красе вошел в жизнь Велесова, нарушая слаженную работу мозга.

Да, он чувствовал, что опоздал на пару десятков минут без уважительной причины. Опоздания, пусть редко бывали и раньше, но почему именно в этот короткий отрезок времени Сергей понадобился всем и вся, будто бы отсутствовал целый рабочий день. Ведь этого просто не могло быть! Или все же отсутствовал?

Велесов с удивлением оглядел стенд за спиной охранника, полный ключей от запертых кабинетов, которые работники учреждения, уходя домой сдавали под надзор специально обученным специалистам.

– Они немного спешат, минут на пять, Сергей Владимирович, – словив его взгляд, направленный на электронные часы тут же отрапортовал Велесову услужливый охранник:

– Так что не беспокойтесь, к утру все исправлю, – совершенно не понял реальную причину столько громкого, удивленного восклицания, сотрудник охраны и автоматически начал выискивать ее в своих действиях, – я думал вечером уже никто не придет на работу, поэтому решил отложить это все на утро, на момент сдачи смены. Дел минуты на три всего.

– Нет, нет, Николай, дело не в вас. Впрочем, какая разница, вы ничего не поймете, – не стал вдаваться в подробности Сергей, – Боюсь, даже я, мало, что способен сказать внятного на счет произошедшего сегодня...

Вся абсурдность ситуации медленно, но верно стала доходить до перегруженного сознания Велесова. Недаром, слово сегодня прозвучало в потоке мыслей особенно гулко, выпав отдельным, осязаемым понятием.

Разум, отказываясь рационально объяснить исчезнувший день, и панически выискивал исчезнувшее время, сопоставляя отдельные факты.

Непривычная пустота на КПП, изменившееся, вечернее свечение закатного солнца, электрик, силуэт которого просматривался в большое, панорамное окно, одиноко бродящий по территории учреждения и включающий ночное освещение перед ночью, стенд полный ключей – все это могло указывать лишь на то, что рабочий день прошел, так и не начавшись для Сергея.

Конечно, Велесов мог вспомнить случаи, когда за предельной занятостью, день пролетал незаметно, но чтобы настолько! Да и своей деятельности за последние часы он абсолютно не мог вспомнить. Ее попросту не было. Подобное случалось с ним впервые.

Снова подкрадывались, отпустившие было во время прогулки, панические мысли о фатальных сбоях в работе мозга.

«Нужно сходить в больницу» встревоженно подумал Сергей, анализируя сложившуюся ситуацию, «нужно лечиться от всех этих сумеречных зон, пока не стало слишком поздно»

Молчание затягивалось. Взглянув в недоумевающее лицо молодого охранника, усилием воли, Велесов, нарушил тишину, задав самый логичный в сложившейся ситуации вопрос:

– Коля, шеф не интересовался причинами моего отсутствия?

– Как же не интересовался! – с облегчением затараторил сотрудник охраны, с напряжением ожидавший нагоняй от молодого выскочки, которого он недолюбливал всей душой за надменность и напыщенность – Лично ко мне подходил несколько раз. Сказал передать Сергею Владимировичу при встрече, что его ждут крупные неприятности. До вас невозможно было дозвониться, – поняв, что Сергею совершенно не до косяков в его работе, Николай расслабленно плюхнулся на стул.

– К сожалению, я потерял телефон и был невероятно занят, – решил хоть как то оправдать себя ошарашенный юрист, – Коль, завтра кто тебя меняет по смене?

– Васек. Ну... тот, который со шрамом на щеке, он еще заикается так смешно, когда волнуется... Вы помните, как на днях его начальник журил за то, что он в отдел кадров непонятно кого пустил? – становилось понятно, что охранник из-за скучной работы хоть как-то старается навязать новый, ненужный разговор, тем самым скоротав хоть немного времени перед длительным, ночным бдением, пусть даже с человеком лично неприятным ему.

– Сейчас уже беспокоить начальника не вижу смысла, – совершенно бестактно и холодно перебил его Сергей, пресекая в самом начале ненужный поток неуместных историй:

– Пусть Василий, который со шрамом и заикается, – с еле скрываемым сарказмом пердразнил Велесов слова охранника, очень похоже, спародировав его манеру речи, – передаст, что Сергей Владимирович приходил ночью и что я завтра ему лично все объясню. Случились совершенно неотложные, форс-мажорные обстоятельства, потребовавшие моего скорейшего решения и присутствия. На этом, Николай, я раскланиваюсь, удачной ночи, боец!

– Спасибо, Сергей Владимирович, и вам не хворать! – охранник легко помахал рукой, совершенно не обратив внимания на сарказм, – обязательно передам дословно, не извольте сомневаться.

Коротко махнув в ответ, Сергей вышел на крыльцо КПП и с удовольствием затянулся остывающим воздухом, наполненным терпкими запахами короткого, хрупкого сибирского лета.

«Все-таки жители южных регионов России не смогут понять ту волнующую душу радость, от ощущения окружающего сибиряка тепла» подумал он, стараясь отвлечься от грядущего, волнующего визита к врачу.

Летняя ночь при пасмурной погоде в наших суровых краях больше напоминают скорее сентябрьскую осень.

Вечерняя атмосфера позволила Сергею насладиться нежным зрелищем удлинившихся по зеленой, колышущейся траве, дрожащих теней раскидистых тополей, уже ссыпавших свой пух на душный асфальт городских улиц.

Среди мягких, пушистых головок одуванчиков порхали суетливые пчелы, в коротком танце сливаясь воедино с бутонами цветов. Летний сезон в Братске и его окрестностях всегда проходил уж очень быстро, и полосатым насекомым нужно было торопливо трудиться, не покладая лап, на протяжении всего теплого периода, чтобы создать необходимый запас для зимовки.

На данный момент образ грядущей старухи – зима, царившей здесь намного больше времени, казался Сергею неминуемой расплатой за короткое наслаждение этим неожиданным вечером исчезнувшего дня.

Осознание конечности всего окружающего великолепия позволило ему впитать пространство каждой клеточкой своего тела, с какой-то особенной нежностью к каждой живой былинке.

Сергей подставил лицо уходящему светилу, чтобы запомнить и сохранить эти ощущения про запас на выжженные, морозные короткие дни, когда всей этой суеты и тепла будет очень не хватать.

С огромной неохотой, усилием воли Велесов заставил себя встрепенуться, напрячь мозги и начать выстраивать хоть какие-то логические цепочки способные рационально объяснить происходящее. Он не собирался сдаваться безумию легко и без боя.

«Значит, грядет ночь, день пропал, так и не начавшись. Это нужно принять как очевидный, но не объяснимый факт» подумал он, начав движение в сторону дома, с удовольствием вслушиваясь в обострившееся жужжание уличных фонарей.

«Если я сошел с ума и мое восприятие реальности искажено, да к тому же приправлено большой вероятностью периодической амнезии, я должен наивнимательнейшим образом наблюдать за происходящим вокруг, чтобы вновь не упустить момент провала. Если я смогу про себя отметить процессы начинающейся болезни, проанализировать их и разложить по полкам, мне будет намного легче справиться с дальнейшим проявлением неприятных симптомов»

Твердо решив быть всегда здесь и сейчас, словно продвинутый дзен-буддист, глубоко не уходя в свою голову, Сергей впервые обратил внимание, что на бетонном заборе, ограждающем учреждение в котором он работал, неизвестный художник изобразил с помощью техники граффити, пустые, песочные часы.

«Цени свое время» гласила красиво оформленная подпись в готическом стиле под схематическим изображением.

Безумная догадка, словно фонарный отсвет, отразилась в его карих, расширившихся глазах. Отойдя за угол бетонного забора, он с легкой опаской и большой осторожностью вновь разглядел подаренные призраками наручные часы, но на этот раз, придав процессу новое понимание, связуя исчезнувший день с мечтательным верчением регулятора на берегу залива.

«Хм... а может дело именно в них? Может быть, именно перевод стрелок на берегу сдвинул целый пласт времени, вопреки всем известным законам физики?» размышлял Сергей,

напряженно вглядываясь в циферблат. «Хорошо, предположим, что это так и это устройство действительно влияет на временной поток. Я слышал о том, что черные дыры, способны своей титанической гравитацией влиять на его течение, читал в желтой прессе о путешественниках во времени... Но как тогда объяснить, что после перевода стрелок я не оказался минимум в открытом космосе? Ведь перемещающаяся по орбите планета постоянно меняет свои координаты в пространстве и, самым логическим продолжением подобного скачка было бы оказаться совершенно неподготовленным в открытом космосе. Уф... Я действительно бессилён это объяснить рационально. Надо при случае показать эти часики какому-нибудь человеку науки»

Какое то время Велесов пребывал в нерешительности «Если путешествия во времени и призраки все-таки реальны. Хотя бы предположим, что это так... Тогда, видимо, действительно было бы проще сойти с ума, чем менять в моем возрасте всю картину мира от „а“ до „я“. И сны, которые до поры до времени были ощущаемы как простой кошмар, по всей видимости, имеют совершенно иную природу. Какая интересная и интригующая теория выстраивается в этот летний вечер, однако...»

Без пяти минут двенадцать. Мелькнувшая мысль о паре призраков, не смотря на их доброжелательность, заставила неуютно поежиться в затемненной подворотне и оглянуться по сторонам, в поисках им подобных.

Естественно подворотня была совершенно пуста и лишь большой, черный жук деловито полз по бетонной поверхности вверх, недовольно шевеля усиками, оскорбленный бестактным вниманием наблюдающего за ним человека.

Такая собственная реакция была понятна Сергею. Все же его недавними собеседниками были самые настоящие покойники из советского прошлого.

К тому же, судя по всему, даже дома он не был в безопасности – оказывается, некоторые привидения могли запросто вторгаться в его личную жизнь посредством телефонных звонков.

«Трубки им на том свете выдают, что ли? Кто его знает...» подумалось Сергею, «А вдруг за звонками последуют и личные визиты в мою земную обитель. Что я им предложу тогда? Чаю или кофе с печеньками? Бред!»

Сумеречная зона сознания затягивала.

Говоря откровенно, Велесов не чувствовал каких-то особенных изменений внутри, лишь на его подслеповатые глаза, сегодня, чуть более часто в последнее время набегала режущая ломота и расфокусированность.

Впрочем, это можно было объяснить хроническим, тотальным недосыпом из-за раннего подъема день ото дня, независимо от дня недели.

Патологический недостаток сна мучил его чуть более месяца, появившись, возможно, из-за чрезмерной любви к крепкому кофе, новым фильмам и размышлениям в кровати.

Далекий кашель, достигший слуха, заставил поежиться. Очень аккуратно, словно боясь повредить прочную сталь, Сергей вновь прикоснулся к потертому регулятору часов.

Обратно он не крутился ни при каких усилиях побелевших от предельной натуги пальцев, а вот вперед стрелки пошли легко и непринужденно, как и в первый раз на заливе Братского моря.

Пару секунд сомнений и Сергей, окончательно решившись на эксперимент, стал аккуратно, по миллиметрам, сдвигать стрелки часов чуть-чуть вперед...

Проходящий мимо колоритный, потрепанный жизнью алкоголик издали приметил стоящего у забора человека в спортивной одежде.

Алкоголик обитал неподалёку в одном из множества полузаброшенных деревянных домов частного сектора городского пригорода, ведя предельно фривольный образ жизни, граничащий с бомжеванием, и часто ходил мимо унылого, бетонного забора, ограждающего это учреждение.

«Вот удача» медленно и вязко пронеслось в пропитом мозгу, на который воздействовали пары, выпитого совсем недавно, дешевого алкоголя.

«Стрельну покурить, а то аж слюну пускаю, при мысли о хорошей затяжке! Мужик без покуришки и чифира не мужик... А ныне мужик какой-то другой пошел. Не наш. Не авторитетный. Все холенные, лелеянные, жадные до ужаса. Ни копеечки не дадут, да еще сигарку зажопят» размышлял он, пока неуверенной походкой шел по направлению к незнакомцу, приветливо улыбаясь беззубым ртом, с выражением лица человека, совершенно не обременённого лишним разумением.

«Ну, ничего, этот фраер явно из богатых, пусть и одет как „спортик“ Этого точно раскручу. Может и денежку, вежливо поимею. Фраер просто побоится отказать в подворотне настоящему, реальному мужику» местный пропойца блеснул единственной золотой фиксой на фоне неровного ряда серых, истертых до корней зубов и уже более решительно продолжил путь к замершему в странной позе человеку.

Он уже прикидывал, что к чему, выстраивая планы как бы более грамотно завязать разговор со столь взбалмошным парнем, как наметанным взглядом, пьяный мужчина отметил про себя странное поведение стоящего – будто бы незнакомец и сам был изрядно пьян.

Человек в спортивной одежде явно нервничал, пытаясь осторожно настроить наручные часы.

Неожиданно для алкоголика, резко успокоившись, человек снова склонился над циферблатом, подслеповато щуря глаза в блеклом, фонарном свете.

Приблизившись на расстояние, достаточное для начала разговора, алкоголик прокашлялся, прочищая горло, стараясь ненавязчиво привлечь внимание к своей персоне, как вдруг где-то рядом кто-то невидимый в столь поздний час начал работать сварочным аппаратом.

С треском и гудением мертвенно бледная вспышка озарила все вокруг, выхватив из опустившейся темноты мельчайшие подробности ночной жизни – замерших в танце ночных мотыльков, суесящихся возле горящих плафонов редких фонарей, старинные трещины бетонного забора, с большим рисунком песочных часов на его поверхности, забившегося от испуга в глубокую расщелину большого черного жука.

Ослепленный и испуганный алкоголик инстинктивно дёрнул руку вверх, закрывая ладонью заслезившиеся глаза, в которых, как в калейдоскопе закружились разнообразные бело-снежные сполохи, раздражающие сетчатку.

Все более нарастающие треск и шипение, переросли в оглушительный хлопок, овеявший алкоголика морозным, зимним ветерком.

Явление, начавшееся для мужчины в алкогольном опьянении так внезапно, так же неожиданно и прекратилось, оставив его замершим в нелепой позе, в состоянии легкого шока.

Автоматически прокашлявшись до конца, пьяница с тупым удивлением обнаружил, что человек в деловом костюме, стоящий перед ним, исчез, лишь слегка дымилось место, на котором он стоял секундой назад. «Ну вот, допился, мать его!» подумал он.

«Завязывать надо. Да где тут завяжешь, с такой то жизнью! Законники жить-то совсем не дают!» Блеснув под фонарным светом золотой фиксой в раздраженном оскале, мужчина раздосадовано плюнул под ноги, терпеливо дождался, пока глаза придут в относительный порядок и неторопливо двинулся дальше.

Проходя мимо КПП учреждения, пьяница услышал как его через приоткрытое, пластиковое окно грозно окрикнул молодой охранник, которого он время от времени видел здесь на посту:

– Нечего здесь шастать в таком состоянии! Режимная территория! Проходите дальше, будьте любезны, и не задерживайтесь – Николай попросту, изнывал от скуки, сидя под камерой, фиксирующей все его действия на рабочем месте.

– Хорошо, начальник, я почти исчез из виду, полагай! Кстати, командир, а закурить не найдется? – пьянчуга всегда инстинктивно побаивался людей в форме, хоть и понимал, что у сотрудника охраны не было никаких оснований столь бесцеремонно окликнуть его, мирно бредущего мимо.

– Не имею такой дурной привычки, – надменно ответил сотрудник подняв вверх указательный палец, – и вам настоятельно советую бросать, – Николай осекся, резко остановив дальнейшие разглагольствования.

Начавшуюся было лекцию о пользе здорового образа жизни, о котором он ужасно любил поговорить к месту и не к месту, прервал вновь неожиданно появившийся на крыльце КПП Сергей Владимирович.

Николай сглотнул застрявший в горле ком и, мигом отбросив надменное превосходство, которое он всем видом пытался изобразить, чтобы возвыситься над пьяницей.

Привычно нацепив маску вежливости, охранник удивленно и вежливо спросил:

– О, Сергей Владимирович! Забыли чего? Или что-то еще передать нужно?

Велесов молчал: не обращая ни на кого внимания, Сергей заскочил в помещение пускового пункта и мельком глянул на висящие, электронные часы.

Удовлетворенно хмыкнув, убедившись в удачном результате проведенного эксперимента, Велесов, по-прежнему не проронив ни единого слова, стремительно развернулся и поспешно скрылся из поля зрения людей, оставив охранника и алкоголика замершими в недоуменном молчании.

Предельно удивленный Николай так и остался стоять на месте, позабыв о камере, фиксирующей его перемещения, рассуждая про себя, что Владимирович в последнее время стал невероятно чудным.

Замерший неподалеку алкоголик, в свою очередь думал о том, что действительно нужно прекращать пить, так как этот человек, двадцати минутами ранее исчезнувший у него на глазах, растворившись у самого носа, также неожиданно появился вновь.

«Чертовщина какая-то, ну его нафиг, идти пора отсюда, пока еще чего не произошло» – пьянчуга торопливо побрел прочь, совершенно позабыв о желании курить...

«Так вот как они работают!» ликовал Сергей, избрав направление к дому, выбрав на всякий случай, другой маршрут, не касавшийся прибрежной лесополосы.

Стоило ему перевести часы на двадцать минут вперед, как случился ряд очень странных метаморфоз и событий.

Едва стрелки приняли устойчивое положение, а пальцы оторвались от колесика регулятора, как тело Сергея пронзил холодный, трескучий озноб, прошедший от макушки до кончиков пальцев ног.

Более Сергей ничего необычного не ощутил, лишь на мгновение размылось изображение наручных часов в глазах и попавшей в обзор земли, усыпанной старыми окурками.

Когда он все же решил наглядно проверить результаты опыта, забежав обратно на КПП, циферблат часов ровными красными линиями констатировал факт, что неизведанной науке образом Велесов переместился во времени ровно на тот срок, который он отмерил на призрачных часах.

«Значит, я не болен, уже легче. Все-таки находиться в здравом уме и твердой памяти меня устраивает больше, нежели безумие и амнезия. Остается только разобраться во всех происходящих вокруг меня процессах и выстроить картину мира сызнова. Всего-то и дел!» с грустной усмешкой подумал он про себя, предвосхищая годы предстоящей работы.

«По крайней мере, ты сам хотел вырваться из устоявшегося круговорота событий. Так что получай. Вот и не верь после этого, что мысли материальны. Лишь бы предстоящая ночь не принесла новых потрясений. Нужен хоть небольшой отдых и осмысление происходящего»

продолжал размышлять Велесов, ритмично и пружинно шагая по тротуарам, стремительно приближаясь к родному району.

Несмотря на поздний час, многие лавочки у подъездов были полны молодых людей и подростков. Кое-где слышались тихие гитарные переливы и песни, под взрывы веселого хохота беззаботной юности.

«Все-таки насколько поколение изменилось» с удовольствием отметил про себя Сергей, стараясь хоть как-то отвлечься от текущих проблем.

«Все меньше пьяных посиделок и все больше культурности. Да, не до конца прав призрак залива! С наступлением ночи гипнотизирующая сила гаджетов ослабевает. Молодость берет свое. Это поколение не безнадежно»

Многие юноши почтительно здоровались с ним, а молодые девушки время от времени бросали заинтересованный, томный взгляд, заигрывая с Велесовым, выглядевшим моложе своих лет.

Сергею было с чем сравнить текущее время: его детство пришлось на девяностые годы двадцатого века.

Смена государственного строя, тотальное обнищание большинства населения, иллюзия вседозволенности, погрязшие в долгах родители – все это стало неотъемлемой частью его отрочества.

Хирели предприятия, застывали по России грандиозные стройки, на глазах деградировали и изменялись люди. Многоголовой гидрой на территории Братского района укрепился бандализм, потешаясь над бессилием коррумпированных органов правопорядка.

Сейчас все по-другому: огромная страна, путем проб и ошибок, далеко не в первый раз за многовековую историю, на глазах всего мира являла чудо, оправлялась от могучего удара, на этот раз рухнувшего в самую сердцевину – в умы и души заблудившихся в новой идеологии людей.

На текущий день улучшения виднелись повсеместно, но прежде всего это чувствовалось в молодежной прослойке, во все времена служащей отражением происходящих изменений.

Молодёжь, по мнению Сергея, пусть и стала намного более мягкой, в сравнении с прожжённой и закаленной трудностями молодежью девяностых годов, но радовала своим энтузиазмом, инновационными идеями, эрудированностью и изменившимися взглядами.

Конечно, были и печальные исключения, но так уж устроено любое общество – в нем всегда найдутся отсталые, преступные, деградирующие элементы, предельно контрастирующие с общим социальным фоном.

Поэтому практически никто из взрослых, за исключением уж совсем закоренелых скряг, не испытывал желания согнать мирно сидящих подростков и юношей с насиженных мест.

Если в некоторых местах молодежь, расшалившись, начинала мешать, совершенно по-детски потеряв контроль, взрослым достаточно было лишь вежливо попросить прекратить разгул.

Район маленький, спальный. Взрослые помнили молодых юношей и девушек еще детишками, резвящимися в песочницах, в то время как они точно также, в свой срок, занимали все лавки стоящие в округе.

Никто не хотел затевать ненужные конфликты, поэтому группки молодежи, как стайки шумных воробьев, перебирались с одного места на другое, пока не разлетались по домам в предрассветной, каникулярной мгле.

Серая пятиэтажка, в которой жил Сергей, не была оборудована лифтом: его ждал усталый и долгий подъем на четвертый этаж.

Такое количество эмоций, странных событий, встреч не могли не вымотать Велесова, хотя по собственным ощущениям он отсутствовал дома не более нескольких часов.

Кто-то из экономных соседей, среди которых больше всего Велесов подозревал престарелую соседку сверху, опять выкрутил лампу на лестничной клетке, чтобы заменить перегоревшую домашнюю, в бытовом эгоизме погрузив целый этаж в кромешный мрак.

В нужные моменты с соседки слетала вся напускная дряхлость и неторопливость, едва дело касалось ее личных интересов.

Сергей воочию видел однажды, как лихо маленькая старушка расталкивает локтями толпу, прорываясь к открывшемуся тамбуру пригородной электрички, и как жалостливо дрожит склоненной головой, объясняя молодой проводнице, что не успела купить билет на вокзале из-за старческого бессилия.

Подсветить входную дверь было нечем. Сергей буркнул под нос колкий эпитет в адрес неизвестного соседа-эгоиста не спеша как специалист без должных фактов инкриминировать загадочное исчезновение лампочки хитрой бабушке и попытался на ощупь вставить ключ, в замочную скважину противно и громко царапая металлом о металл.

Велесов возился уже несколько минут, все больше и больше досадуя, на неудачные попытки попадания, в очередной раз, ощупывая ключ, чтобы вставить его невидимой бороздкой вниз, как вдруг неожиданно лестничную клетку расчертил луч небольшого, но очень яркого фонаря.

Грубый, наглый голос невидимого мужчины, тенью стоящего за фонарным светом и молчащего до этого момента гулко огласил лестничную клетку:

– Помочь, Сережка, осветить малеха? Заждался я тебя, Сережка, ой, заждался. Трубу то, чего не берешь? Запало, с такими как я, работать? А ведь надо, Сережа, надо. С такими как я, лучше дружить. С такими как я доход и процветание, – невидимый человек злобно цыкнул слюной, звучно капнувшей на бетонный пол лестничной клетки, – ни ночью до тебя не дозвониться, ни днем. В чем проблема?

– Ринат, ты? – Сергей узнал мужчину по особой манере речи и легко узнаваемой, бластной манере говорить.

Определив, кто стоит над ним, Велесов сразу же заметно напрягся телом, ожидая от неожиданного гостя всего что угодно, вплоть до ножа в живот:

– В лицо не свети, будь добр, слепишь, – сохраняя спокойствие, попросил он наглого визитера.

Сергей понимал, что если бы Ринат хотел напасть на него, он уже бы сделал это незаметно, не затеяв столь ненужного светопреставления, но возникшее напряжение никуда не уходило.

Ринат слегка отвел луч карманного фонаря в сторону от глаз Сергея и не спеша гасить свет, неторопливо продолжил:

– Буду добр, расскажи, куда слово не сдержав, пропал? Не хорошо это, не по-людски. Взялся мне помогать и на попятную? – человек чиркнул зажигалкой, прикуривая папиросу Беломорканала. Вспышка на секунду выхватила из темноты за фонарем грубое лицо, со сломанным носом, направленным в левую и холодными, серыми глазами, – я многое тебе рассказывал, позволил, так сказать, вникнуть в мою дилемму. В курсах событий держал. Не бесплатно, надо сказать. Деньги, и хорошие деньги, нужно отрабатывать. Правильно говорю?

– Ринат, понимаешь, у меня были неотложные дела, – Сергей, по сути, не знал, что сказать в свое оправдание.

Он действительно договаривался с этим человеком сегодня о встрече в течение минувшего дня и даже занес ее в органайзер на телефоне с пометкой «важное», но ворвавшиеся в жизнь чудеса исковеркали все планы.

Выражаясь образно – его сейчас «приперли к стене» неожиданным визитом.

Ринат, стоящий на лестничной клетке пролетом выше был ему хорошо знаком с недавнего времени: у него были обширные связи и влияние в криминальных кругах, а также очень большие проблемы с полицией и прочими государственными структурами.

Сергей, как мог, помогал ему избежать подводных камней, грамотно лавировать в изменяющемся потоке закона, давая при случае дельные советы и оказывая посильную помощь в оформлении необходимых бумаг.

– Какие дела!? Какие дела, Серега, дорогой ты мой?! – Ринат повысил голос, совершенно не боясь привлечь лишнее внимание соседей к нарастающему конфликту.

Со стороны это могло выглядеть довольно забавно, будто бы шипел и фыркал большой, разъяренный кот, если бы опасность, исходящая от него не была физически осязаемой:

– Да мне менты на хвост сели, – выдал Ринат, неосторожным выражением еще больше увеличив сходство с пушистым животным, – Мне такое шили сегодня, думал, не вырвусь. Еле когти урвал! А, у тебя дела, да? Кинуть меня все-таки решил, да, падла? – рука с фонарем задрожала от накатившей ярости, – я уже три часа у дома трус, мне ты нужен!

– Хорошо, успокойся! Заходи, поговорим. Не на лестничной же клетке о делах тереть. Не нервничай, лучше подсвети фонарем, – Сергей медленно вставил ключ в замочную скважину, едва его собеседник нехотя выполнил его просьбу.

Судя по поведению бандита, знания квалифицированного юриста, как воздух для утопающего, были важны для Рината, мыслящего совершенно иными категориями и понятиями, чем хитросплетения норм и правил хранящихся во множестве кодексов российской правовой системы.

Видимо, пока Сергей вынужденно отсутствовал в пространстве, с ним произошло что-то действительно серьезное.

Распахивая входную дверь, замерев в пригласительном жесте протянутой руки, Велесов не мог не добавить:

– Ринат, только не чуди, хорошо? Мы же взрослые люди, давай без эмоций.

– Давай открывай. Обсудим все внутри, – Ринат заметно поутих, осознав, что к нему идут навстречу и успокоившись, заметно сбавив обороты.

В узкий коридор прихожей они вошли, на всякий случай, не выпуская, действий друг друга, из виду: напряженно и молча они сняли ботинки и прошли на кухню.

Включив свет, Сергей показал на разбитый телефон:

– Видишь, со стола упал. Поэтому был не на связи. Я хорошо знаю тебя, чтобы не взять трубку и чересчур дорожу своей репутацией, как специалиста. Так что в этом ты не прав.

– Ладно, забей, не до этого уже, – Ринат по-хозяйски плюхнулся на холодный табурет и облокотился на жалостливо скрипнувшую столешницу, – слушай сюда лучше, – продолжил он высматривая серыми глазами чего бы закинуть в рот.

– Помнишь, я вскользь говорил, что меня обвиняли на днях без оснований в мокрухе? Якобы завалил я кое-кого ради собственных интересов. Как думаешь сам, было такое, Сережа? Способен ли я?

По правде говоря, Сергея всегда невероятно раздражал этот тип, но и платил он не мало: Ринат был рудиментарным приветом из бандитских девяностых: короткая стрижка с проседью. Изуродованное косым шрамом, широкое, скуластое лицо. Сломанный нос безостановочно шмыгал, стараясь продавить застоявшийся гайморит. Хитрые, колючие серые глаза.

Все это делало его весьма неприятным типом даже на первый взгляд. Мощное тело, очертания которого угадывались даже под потертой, черной, кожаной курткой, носимой бандитом постоянно не смотря на погоду, и несколько вытатуированных перстней на руках, заставляли многих прохожих невольно задуматься о том, чтобы перейти на другую сторону улицы, когда на встречу, никого не видя и не уважая, шел опытный и прожженный арестант.

Про него ходили разные слухи, однако Сергей знал его на данный момент лишь легализовавшимся бизнесменом. Максимум, что они обсуждали раньше, были небольшие финансовые махинации и хитрости с документами, которые в большей или меньшей мере всегда имели место в любой частной организации.

Ринат был владельцем небольшого бизнеса – держал пару торговых точек на местном рынке и являлся владельцем нескольких ларьков. Конечно, не большой уровень для Братска, но это была только вершина айсберга, таившего в глубине и игровые автоматы и проституцию.

Ринат никогда не скрывал, что он является лишь шестеркой, бойцовским псом namного более серьезных людей. Он часто, к месту и не к месту употреблял устаревшее, как и он сам выражение «моя крыша» и время от времени выполнял разовые поручения невидимых боссов, наезжая на добропорядочных бизнесменов.

На данный момент весь его напряженный вид показывал, что нынешнее дело namного серьезнее ранее решаемых вопросов. С безумными, бегающими глазами, сморщив сломанный нос, будто учуяв неприятный запах, он суетливо затараторил:

– Серега, мы уже достаточно знаем друг друга, да? Ты о бабках мечтаешь, молодой еще и горячий, да? Я дам тебе бабок, если сможешь. Короче сегодня меня на капот менты положили. Короче типа я мокруху совершил, как думаешь, я мог такое сделать?

– Думаю, что нет, – ответил Сергей, стараясь, лишний раз не провоцировать собеседника, хотя был практически на сто процентов уверен в обратном.

– Мог, Сережа, мог, – перебил его Ринат, – я давно могу, с того момента, как четко осознал, что хочу богатства и уважения. А если уж «крыша» попросила, то тут уж и вообще рассуждать нельзя – самого завалят! В нашей среде никак без этого. Хочешь власти, хочешь денег – убирай конкурентов любыми способами. Как по Фон Клаузевицу живем... Если война, то только до победного конца, до полного уничтожения, – Ринат с хрустом зажевал несколько старых крекеров, давно лежащих в вазе на столе.

– Тут одна вертлявая сволочь «моей крыше» контракт обрывала, – прожевав еду, продолжил бандит, – На наши условия не идет. Говорит, что заработал свои деньги честно, и с преступниками дела иметь не будет. И в то же время как будто заигрывает, на мою крышу выйти хочет, контакты ищет. Типа с шестерками дело не имею, ему боссов подавай! Заезжий, долбаный выскочка! – Ринат раздосадовано хлопнул по столу сжатым кулаком, – А мне позарез, Сережа, надо себя показать. У меня итак косяков по жизни выше крыше перед старшими. И человек то такой попался, что лично его достать трудно очень. Мне даже пташка одна донесла, что его местные менты вроде как крышуют, а может даже кто и выше – вновь не спросив разрешения, на этот раз бандит взял горсть чипсов из открытой пачки, – Думал, припугну по-другому – жену его нашел, можно сказать из кровати вытащил и на дачи увез, в подвал. Детей – спиногрызов не тронул. Да и не здесь они. Он сам Иркутянин. Дома с бабушками-дедушками оставил. Да и не было цели настолько усугублять ситуацию, просто хотел показать, что он уязвим, что и я достойный человек для решения насущных вопросов. Максимально нежно все провернул, только слегка поцарапал жену от того, что сильно брыкалась.

Ринат с хрустом быстро прожевал очередную горсть золотистого картофеля, уделав в мелком крошечке тонкие губы, после чего продолжил:

– Даже подвал комфортно оборудовал для знатной особы: диван, теплота, сухость все дела. Думал, так на бизнесмена надавлю, и он подпишет любой контракт со мной. По сути, всего-то часть своего передаст «на общаг» и всего делов. Утра решил дожидаться, созвониться с ним, а пока, значит, время потянуть, чтобы он понервничал. Но и баба оказалась тоже не лыком шита! Ночи не прошло, а эта зараза, лаз прокопала и в бега. Прикинь, целый, сука, тоннель наружу за одну ночь! Нам в голову не приходило, ее даже проверять ходить, настолько «сладкой» казалась! Мы, то по глупости своей решили отдохнуть чуть-чуть после трудного дельца. Братан-поддельничек ящик коньячка как раз подвез, сели как люди, колбаску нарежали. Поутру, думали, как и было, запланировано, позвоним взволнованному терпиле, напряжем информацией, в общем, ждем своего часа, отдыхаем, – Ринат с хрустом, рассыпая крошки, закинул новую горсть чипсов в широко раскрытый рот и продолжил рассказ с набитым ртом, от чего его речь стала невнятной и скомканной:

– Корешь мой, поссать утром пошел, полагай! И как раз увидал, как наша красотуля уже через забор сигаает. Минутой бы позже и только днем бы хватились, а тут... Меня крикнул, а я с ружьем сiju бухой, со стволом нянькаюсь. Оружие дорогое, для красоты висело, даже не стрелял ни разу. А тут как назло, зарядил, люблюсь, собутыльников припугиваю. Пьян я был, Сережа, в жопу, все забавою казалось, сам полагай. Выскочил ну и вальнул, случайно, почти не целясь. Думал, выше беру, а получилось сразу, на повал, как зайца срезал, – Ринат сглотнул и потянулся за новой горстью, но обнаружив лишь пустую пачку, раздосадовано скомкал ее и сбросил на пол:

– Трезвый бы был, не так поступил, отвечаю. Подбегаем ближе, а она живая еще. Смотрит грустно, понимает видимо, что не жилец уже на белом свете, и сказать ничего не может, булькает только. Дробь аккурат в шею зашла. А нам что делать оставалось? Не с повинной же к ментам идти? Покумекали – побазарили, бабу обожгли, чтоб, если что не узнали и тело там же спрятали. Думали, пронесло, три недели тишина была. Мы на дне полежали, да потихоньку стали выходить из-под коряги.

Ринат устало шмыгнул носом и растер широкой, грубой ладонью свое уродливое лицо:

– Ну и терпила этот, падла, крутым оказался, церемониться не стал. Когда я с дачи выехал, ментов столько поднялось, едва домой добрался. Все оцепили! Я аж, охренел! Если бы крыша информашкой не грела и через прикормленных ментов отход не прикрывала – уже бы за решеткой был. Так этот элемент, минуя командиров, своих ментов подослал – бурята и бело-брысого, видать им прикормленных. Оба капитаны, все дела. Я базарить сильно не стал, когда на капот положили, все в отказ, конечно. Улик явных нет. Они уже в УАЗ меня затаскивали, как им командиры «на трубу» шуманули, дескать, по ложному следу шли, не того повязали, отбой. Ну они со скрипом и подчинились. А внутри то понимание – так просто дело не слезет. Делать что-то надо. А что делать-то, Сережа? Крыша сказала, что сам наломал дров, через голову прыгнул, сам и раскручивай тему. Братишка! Я к тебе и пошел с повинной. Если вытащишь меня из этой передраги, поможешь срыгнуть с крючка грамотно, столько денег дам, что до старости о работе думать не будешь, нужды не будет. Считай, я тебе сейчас столько наговорил, что теперь ты в доску свой, повязанный. Реальные дела увидишь. С крышей сведу. Ях смелых любит. Мужик конкретный, пусть и дразнят странно, не по славянски...

Все время страшного рассказа Сергей сидел и молча слушал, зло, поалевшими глазами, уставившись на собеседника. Деньги были нужны. Он давно мечтал уехать из этого города в какой-нибудь теплый край, купить домик с садом и до самой смерти заниматься только саморазвитием, не отвлекаясь на работу.

Но Ринат опасен, не только может кинуть на деньги, но и затянуть с собой за решетку, как соучастника. А если Сергей откажется сейчас, то он тут же приобретет билет на тот свет по благу, без очереди.

Ко всему прочему, ему было невероятно жаль невинно погубленную душу несчастной женщины, до дрожи, до неприятного чувства щекотания внутри его души.

Смерть и сейчас таилась в глазах Рината, нетерпеливо выжидающих ответа, уставившихся в упор на молчащего Велесова,

Нужно было хоть немного выиграть время и выпроводить его за дверь, выиграть необходимые часы на размышления. К тому же, не смотря на серьезность ситуации, чувствовалась мощная, отупляющая усталость. Начинала болеть голова.

Глотнув из именной кружки, горького, холодного утреннего кофе, Сергей начал максимально мягко и вкрадчиво говорить, стараясь не выдать подкатывающую неприязнь, всем видом показывая ложную заинтересованность в деньгах. Вспомнив все навыки психологии, он медленно произносил слова, понимая всю важность ответа:

– Ринат, я обязательно помогу, спору нет. И деньги мне нужны невероятно. Но нужно досконально знать ситуацию, чтобы помочь. То есть не только то, что ты мне рассказал сей-

час, но и невероятное множество прочих мелочей. Я раньше никогда не брался за дела подобного масштаба. Естественно, все, что было сказано, все останется здесь при любом раскладе. Я не дурак, дорогу переходить тебе не буду. Дай мне время до утра обдумать все, как лучше поступить в данной ситуации. Если тебя не заперли до сих пор, значит, и завтра вряд-ли возьмут в оборот. Уже бы взяли, будь у них достаточно оснований. Правда, сейчас, не смотря на серьезность ситуации, я ничего не в состоянии предпринять. Хорошо?

– Сам знал! – обрадовался Ринат тому, что знакомый юрист не подкачал и взялся за дело, – Но смотри мне, Сережа, не оплошай! То, что я сказал, тебе не поможет, если ментам шепнешь, а навредит. Улики я надежно спрятал. Ружья как будто и не было в природе, тело тоже не найдут. Тайга большая хоть автобусами жмуров хорони. Речек да оврагов много. И официально все это время я гостил у матушки в Александровке, пирожки трескал, девок деревенских за титьки мацал, что пару человек подтвердить смогут, да и тебя Сережа не найдут, поверь, если что чудить начнешь. С тебя то и помощи всего нужно, если в отдел затянут, со мной зайти да официально все по-полкам раскидать. К тому же для ментов эта женщина не мертва, а пропала без вести. Пока что. Капитаны эти шептуньи, под меня копают. Уже на дачу мою вышли... а угомонить их силой – чересчур громко получится... Я сегодня то уйду, Сережа. Но если приду еще раз вот по поводу того, что ты, где-то потерялся, не серчай, Сережа. Как уже говорил, тайга большая, тут хоть целый отряд командос по нычкам распахивай и танк в придачу. И телефон то собери, включи, или новый заведи, без связи ныне как без рук. Не провожай, Сережа, дверь найду.

Ринат порывисто встал, забрав с собой со стола недоеденную пачку чипсов, и вышел за дверь. Через минуту усталый Сергей услышал, как хлопнула входная дверь.

«Ты ж юрист» размышлял он, понуро опустив голову на руки, «как и ты ж программист. Не важно, на чём ты специализируешься. Ты должен знать все и обо всем. С этого дела не спрыгнешь. Ринат не позволит» он понимал, что предстоит долгая, бессонная ночь, полная тяжких размышлений и мук совести.

Он понимал, что для собственной безопасности должен пойти на завтрашнюю встречу с бандитом, но настолько ярко представил умирающую, лежащую в луже собственной крови женщину, что испытал постыдное презрение к собственному бессилию.

Усилием воли Сергец подавил порыв незамедлительно бежать на ближайший вокзал, брать билет в южные края. К тому же от природы подозрительный Ринат или кто-либо из его поделщиков, возможно, сидит в машине возле подъезда, выжидая, когда погаснет свет на кухне в его квартире.

Нужно было почитать отзывы специалистов в интернете, поднять статьи, наметить хотя бы относительный план действий. Придется помогать для собственного самосохранения. Нет свидетелей разговора, нет свидетелей угроз. А Ринат есть и он реален. И последствия будут ужасны.

Не зная с чего начать, Сергей решил для начала посмотреть, запуститься ли разлетевшийся на части телефонный аппарат.

Хоть удар был довольно большой силы, и батарею пришлось выуживать из-под холодильника, все же когда Велесов собрал воедино все комплектующие и нажал на кнопку запуска, он с облегчением увидел, что, не смотря на пару новых трещин, на экране, телефон пикинул и выдал привычный экран приветствия.

Тут же, едва установилась связь с сетью, от оператора посыпалось множество смс от звонивших ему, в течение исчезнувшего дня, абонентов, для которых этот день был полноценным и реальным, лишь для Сергея являясь миражом.

Велесов мельком взглянул на перечень пропущенных вызовов. Только начальник звонил четырежды! Но это то, что меньше всего его теперь волновало.

Перспектива потерять высокооплачиваемую работу, казалось детским лепетом в сравнении с угрозой для собственной жизни. О конечности своего бытия редко задумываешься в каждодневной суете, но едва костлявая мимолетом тронет за плечо, невольно начинаешь переоценивать жизнь на события до и после этого легкого прикосновения.

Номер, который звонил утром, загадочно исчез в списке принятых вызовов и, судя по пришедшим смс больше не звонил. «Может быть больше неприятный призрачный собеседник не будет меня доставать», подумал Сергей мельком.

Выключив на кухне и в коридоре свет, оставив включенным во всей квартире только мертвенно-бледный экран монитора персонального компьютера, Сергей, не раздеваясь, устало рухнул на диван и запрокинул руки за голову. Ремешок часов неприятно давил на руку и совершив невероятное усилие над собой, он снял их и небрежно закинул в угол кровати, после чего принял прежнее положение.

Спортивная одежда тяжело заскрипела всеми швами, повторяя контуры тела и натянувшись до своего предела. Дельных мыслей по-ситуации не было совершенно. Он специализировался на Гражданских правоотношениях и отлично разбирался в Трудовом праве – науках, необходимых ему для осуществления своей трудовой функции. Здесь же право уголовное, которое он так не любил в институте.

Сергей пролежал неподвижно около часа, время от времени проваливаясь в сонное полузабытье. Сил не было совершенно. На него навалилось столько необычайных событий за последнее время, что разум цепенел, считая, что ему такая нагрузка наносит вред. Мозг также старался сохранять энергию, затормаживая процессы организма, требуя отдыха от этих разборок, кошмаров, встреч с призраками и путешествиями во времени.

Дорого бы Сергей дал, чтобы часы могли переводить время назад. «Интересно» размышлял он «Если наука оказалась бы права, и, переместившись во времени у забора учреждения, я бы действительно оказался в открытом космосе. Вот был бы номер, после перевода стрелок зависнуть где-нибудь в бескрайней пустоте и миллиарды лет парить нетленным трупом среди ее просторов. Кажется мне, что трупом, хоть и вполне заурядным, я стану уже спустя неделю и искать меня будут долго. Ринат, тертый калач. Он оформит все грамотно. Так что участь с космической мумификацией хотя бы отдает романтикой и тайной. Интересно, а было бы мое тело признанно нетленными мощами, а я причислен к лику святых?», – Велесов прекрасно понимал, что то о чем он думает, является бредом, который никак не мог ему помочь. Просто мозг умело уводил внимание на совершенно нейтральные, отрешенные темы, а воля, которая могла изменить ход мыслей, спала, полностью подчиненная усталости.

Глаза снова закрылись сами собой, не смотря на все потуги их разлепить. Накатила спасительная дрема, привнеся в сознание образы далеких, мерцающих звезд, почему то похожих в его видениях на множество экранов маленьких, мерцающих мониторов.

Сейчас сон был необходим ему, чтобы отрешиться от текущих проблем. Он бестелесной тенью бороздил просторы космоса, а вокруг, словно белые елочные огни, светились далекие, прямоугольные светила иных миров.

Мирное упокоение души было прервано звонком. Первая мысль, посетившая голову Сергея – «Ринат, что то хочет добавить или тупо проверяет меня».

Но едва Велесов взглянул на экран телефона, как понял, что звонившему Ринату он был бы намного более рад, чем этому настойчивому абоненту.

Номер. Это был исчезнувший, номер сегодняшнего утра. Абонент настойчиво выходил на связь и, хоть время ожидания ответа давно истекло, магическим образом телефон не замолкал.

«Хуже уже не будет, но и лучше тоже» подумал раздраженно Сергей.

Лютого страха, терзавшего его вчера утром, не было. Работали тормозные механизмы головного мозга, отсекавшие обилие эмоций, но даже легкий его оттенок неприятно царапал невероятно уставшую душу и нервную систему.

«Ненавижу этот звонок, нужно непременно сменить рингтон» подумал он и решительно нажал на значок принятия вызова:

– Алло.

– Сергей. Сережа. Сергей. Сергей. Сергей. Сережа, – издали донеслось в ответ сквозь треск и помехи, мертвым, женским голосом, полным нестерпимой муки. Кажется, кора головного мозга начала разгонять процессы и под всплеском адреналина ужас вновь начал накатывать удушливой волной.

– Я вас слушаю, отвечайте, чем бы вы ни были или я ложу трубку! – он старался говорить четко и строго, не поддаваясь панике

– Сережа. Мало сил. Не ложи. Помоги мне.

– Как мне помочь, что нужно сделать, черт тебя возьми!? – неожиданная вспышка ярости вымыла страх, – говорите внятнее. Если вы мертвы, это не значит, что можно доставать меня! – Телефон жалобно пиликнул, словно сам испытал на себе всплеск разрушительной эмоции.

Женский голос на секунду прервался, но налившись силой от вспышки гнева Сергея, заговорил намного более ясно, уверенно прорываясь сквозь притихшие помехи

– Это Надя. Панфилова. Ты меня не помнишь, но должен вспомнить! Учились вместе, – небольшая пауза, треск и помехи, – Ринат убийца. Он. Убил. Меня. Дети. Жалко. Дети. Тяжело, – голос стал пропадать снова, как и медленно угасала питавшая его вспышка ярости, – Сережа, я пропаду. Мне нужны твои эмоции. Твоя сила. Твое присутствие рядом. Впусти меня в дом, дай разрешение войти. Так надо. Разреши. Не бойся. Я без зла. Скажи вслух, что отворишь двери для меня. Я. Больше. Не. Могу. Контролировать телеф... – звонок оборвался. Протяжно зазвучали далекие гудки.

Сергей устало протер руками лицо. Бред. Призрак какой-то там Надежды предлагал впустить ее в дом. Зачем? Для чего? Велесов напряг память, пытаясь вспомнить мертвую женщину, с которой якобы пересекался в реальности. И вспомнил.

Старшая школа. Его только что перевели в десятый класс с гуманитарным уклоном. Новый коллектив, новые знакомства и великолепная, эффектная соседка по парте, в которую он влюбился всем сердцем, тщетно выискивая взаимность.

В то время у нее была другая фамилия. Куприянова. И Наде всегда нравились мальчики постарше. Сергей был дико разочарован, когда увидел, как утром в школу ее подвозит крепкий, черноволосый юноша на серой девятке и как они целуются перед тем, как десятиклассница выпорхнула из чрева машины ему на встречу.

С тех самых пор он постарался вырвать ее образ из сердца, в юношеском максимализме больно переживая неудавшуюся, щенячью любовь. И когда он нашел новый объект обожания, Надя стала ему совершенно безразлична.

Совість оказалась на развилке. Сергей, не хотел видеть какие бы то ни было привидения снова. Особенно сейчас. В то же время, он хотел хоть как то насолить Ринату, но на это у него было чересчур мало информации. Привидение могло рассказать многое, но чувствовать пугающее присутствие убитого человека рядом, да еще впустить ее самому, было очень тяжело.

«Впустить ее в дом. Ну и что прикажете делать, а, Надежда? Чаем вас не напоишь, фильм не посмотришь, в кресле не посидишь. Впрочем, была, не была!» Сергей порывисто встал и отошел на середину комнаты.

Чувствуя себя ребенком, пытающимся завести сложный, механический агрегат, о котором он ничего не знал, кроме того, что агрегат большой и блестит, Сергей, остановив взгляд на китайской люстре, висящей на потолке, медленно и четко проговорил первую пришедшую на ум формулу, вкладывая в каждое слово множество противоречивых эмоций.

Освещаемый светом монитора, Велесов сам напоминал призрака, материализовавшегося посреди комнаты.

– Надежда Панфилова. Я открываю двери своего дома для тебя. Входи, – его голос сорвался на шепот, – Ну или как-то так, – более громко и решительно добавил Сергей после непродолжительной паузы.

Блеснули мертвенным, зеленым проблеском его глаза, выдавая подавляемое, что есть силы чувство страха внутри сжавшейся души.

Холодный ветер тихо подул из-за спины. Не только ушами, всем телом Сергей услышал, ощутил, как медленно и противно заскрипела дверца платяного шкафа за его спиной.

Раздался звонкий, мокрый шлепок, как будто огромный слизень с большой высоты упал на пол, разлетевшись на мокрые ошметки по комнате.

Босые ступни Сергея окатило водяной пылью рассыпавшихся в воздухе, холодных, дурно пахнущих капель.

В тишине ночной квартиры, раздался леденящий душу громкий, искаженный женский стон и громкое, надрывное сопение.

В помещении невыносимо запахло гарью и тиной.

Глава 3: Право на жизнь

Уже в который раз за июль, над ночной тайгой, собирались грозовые тучи. Немилостивый ветер гнал их кучевой полог, словно пастух огромное стадо черно – серых, непослушных овец.

То тут, то там вздувшееся брюхо набрякших от скопившейся влаги облаков, освещали вспышки электрических разрядов и спящие сосны сотрясали раскаты грома, заставляя их дрожать каждой иголкой своего естества.

По лесной чаще, продираясь сквозь бурелом и колючие кусты шиповника, на пределе своих возможностей, бежал запыхавшийся человек в легкой, спортивной одежде.

Он опасно скользил дорогами, фирменными кроссовками на травяной поверхности, периодически нелепо заваливаясь то на один, то на другой бок.

Время от времени Сергей делал короткую остановку, чтобы со всхлипом набрать в горящую грудь новую порцию холодного, ночного воздуха, но нарастающий позади него шум и гвалт вынуждал Велесова снова и снова бросаться вперед, не разбирая дороги.

В очередной раз, обессилено опершись о широкий ствол сосны для короткой передышки, Сергей казался полностью истощенным, но какофония звуков приближающейся погони, заставила его чертыхнуться, растереть злые слезы изодранным рукавом по грязному, потному, иссеченному царапинами лицу, и с легким хрипом продолжить свой бег за жизнь.

За его спиной, между стволов густого сосняка, то тут, то там мелькали фонари, вырывая из темноты разнообразные растения, похожие во мраке июльской ночи на диковинных, инопланетных животных.

В разгоряченный рокот мужских голосов то и дело вмешивался хриплый, надрывный лай нескольких собак рвущих натянутые до предела поводки из рук своих хозяев.

Разъяренные, гортанные выкрики, разрывая ночной покой, вторили раскатам грома и были полны ядовитой злобы смешанной с азартом охотника. Преследователи изрыгали отборную брань, проламывая кусты шиповника, словно огромные, несущиеся на полном ходу, ревушие бронетранспортеры.

Все это действие скорее напоминало охоту на диковинного зверя, чем на погоню в привычном понимании этого слова. Преследователей забавляла беспомощность жертвы, и они всячески старались растягивать удовольствие, искренне веря в свою удалую безнаказанность.

Оглушительный хлопок выстрела и ружейная пуля свистнула над головой Сергея, всколыхнув мокрые от пота, взъерошенные волосы, с хлопаньем врезавшись в ближайший ствол. Дерево глухо ухнуло, принимая в себя патрон.

Убедившись, что Сергей все еще жив, вслед полетел разъяренный окрик бегущего во главе преследователей, Рината:

– Стой, сука мусорская, мы тебя достанем! Уроем, суку! Игнат, обходи его справа. Да придержи собак, рано еще спускать. Пусть измучается перед смертью! Стреляй, пацаны, стреляй! Здесь никто не услышит, отвечаю, мотай суку!

Вняв призыву вожака, раздалось еще несколько безрезультатных выстрелов, но пули ушли далеко в сторону, взрыв с мокрым чавканьем траву в стороне от бегущего Сергея.

«Интересно, почему они так долго не могут со мной покончить? Забавы ради? Решили поразвлечься перед расправой?» Велесов тяжело сплюнул вязкую, горькую слюну себе под ноги попав на одну из разорванных штанин.

Сердце тяжело, не в ритм, несколько раз с болью ухнуло в груди, работая на пределе возможностей. Чересчур много времени он проводил в душном офисе в последнее время, напрочь позабыв о спасительных для организма пробежках.

«Я, конечно, понимаю, что предатель в глазах Рината, но чтобы столько ненависти в мою сторону! Лучше бы прикончили сразу и дело с концом!»

Разумом Велесов прекрасно понимал, что долго этот бег продолжаться не может. Рано или поздно преследовавшей его банде просто надоест палить по интересной мишени.

В какой-то момент погони, они просто отпустят псов, которые нагонят его в течение нескольких минут, удобно распластав на грязной траве под напором мощных, рвущих плоть пастей, для приближающихся хозяев.

Мощнейший инстинкт самосохранения претил паническим мыслям взять верх, толкая тело в очередной овраг, чтобы избежать шальной пули снова и снова заставляя преодолевать возникающие препятствия.

«Ничего-ничего, русские не сдаются. Мне бы реченьку хоть какую-то найти, тогда бы у меня был призрачный шанс уйти. Надя говорила, что она захоронена здесь недалеко, стоит лишь отойти на пару километров вдоль реки от последней улицы дачного кооператива. Значит, стоит только потерпеть, и прибрежная полоса попадет под ноги сама собой. Главное, не терять надежды и быть аккуратным»

Едва эта мысль пронеслась в голове бегущего Сергея, как он, как назло, споткнулся об узловатый, сосновый корень и кубарем покатился под откос небольшого холма, при этом несколько раз больно приложившись головой о вылезшие из-под земли камни и коряги.

Фактически эта неловкость и спасла его: переворачиваясь через голову Велесов мельком увидел, как двое преследователей уже вскинули ружья, намереваясь уничтожить жертву и записать на свой счет очередной, человеческий трофей.

Неожиданное исчезновение из зоны видимости бегущей жертвы, заставило преследователей Сергея замешкаться на непродолжительное время и остановиться для его поиска на вершине холма.

Они разгоряченно обсуждали, куда двигаться дальше, находясь от затаившегося в траве беглеца всего лишь в нескольких десятках шагов.

Слышались отрывистые, матершинные команды собакам и гортанные переговоры группы людей, среди которых отдельно ото всех, как лидер прайда, стоял раскрасневшийся Ринат, шмыгающий сломанным носом.

Сколько их? Сергею было доподлинно неизвестно, но он предполагал, что с вожакom его преследуют никак не меньше пяти человек. Выглянуть и пересчитать их более точно он опасался, да и не считал нужным, растягивая краткое время неожиданного отдыха.

Прямо перед лицом, между двух травинок, большой лесной паук раскинул симметричную сеть паутины, в которой слабо трепыхались, и пытались вырваться несколько запеленованных насекомых.

Невольно сравнив себя с одним из этих маленьких созданий, Сергей раздосадовано перевел взгляд на пустое, исцарапанное правое запястье: «Эх, были бы у меня с собой часы времени! Надо же было их снять перед выходом, идиот!» уже несколько раз за время ночного randevу проклял себя Сергей, «ведь стоило только крутануть регулятор несколько раз и они бы потеряли меня из виду на несколько часов»

С тихим шелестом, напоминающим осеннюю суету опадающей листвы под порывом холодного ветра, из-под земли, прямо перед ним возникла полупрозрачная женщина в изорванном, горелом сарафане источая легкий запах гнили и горелой плоти.

Нынешний образ Нади не шел ни в какое сравнение с тем воплощением, в котором она явилась в его квартиру впервые, несколько часов назад. Тогда она выглядела намного более обезображенной смертью и насилием, чем сейчас.

Велесов отметил про себя, что чем больше он привыкал к ее неожиданным появлениям в зоне видимости, тем милovidнее становился призрак, возвращаясь к знакомым, прижизненным чертам лица и тела, в которых все еще угадывалась та юная особа, в которую он был так беззаветно влюблен.

На данный момент, перед запыхавшимся Сергеем, парила молодая, полупрозрачная женщина с огромной, бесцветной косой до ягодич. Пухлые губы, округлые щеки и густые брови над широко распахнутыми глазами делали ее похожей на образ красавицы русской старины.

Издранный, потрепанный, широкий сарафан только добавлял сходство с героиней детской сказки, попавшей в передрагу, из которой ее может вытащить только пришедший за ней, молодой богатырь.

Велесов прекрасно понимал, что ему было очень далеко до образа былинного витязя. Тем не менее, он нашел в себе духу откликнуться на призрачный призыв.

Не испытывая и тени страха, но с великой грустью и состраданием Сергей взглянул в некогда насыщенные голубизной глаза Панфиловой, вновь и вновь вспоминая ее сбивчивый рассказ в квартире.

Ринат соврал. Он не просто убил заложницу случайным выстрелом в пьяном угаре, нет, перед этим он отлично позабавился с ней в компании своих выродков друзей, абсолютно потеряв самоконтроль под парами дешевого пойла.

Все это она поведала ему, досконально восстановив ход событий, начиная с момента похищения, вплоть до того момента, когда ее обожжённые, обезображенные останки скинули в журчащую перекатами таежную реку под дружный гогот группы пьяных убийц и насильников.

Панфилова подробно рассказала Сергею расположение необходимых улик. Всей накопленной информации хватило бы, чтобы оперативная группа, выехавшая на место, без труда обнаружила следы недавнего преступления. Но здесь свою роль сыграло время и то, что за ним следили. В этом Сергей убедился, осторожно выглянув из зашторенного окна.

Он обнаружил у своего подъезда большой, красный седан, который раньше никто из соседей не парковал. Приглушенная музыка, доносящаяся далекими басами из затонированного салона, еще больше убелила его в том, что Ринат все-таки выставил необходимое наблюдение за ним.

Полиция попросту бы не успела. Да и судя по всему, местные органы МВД содержали в своих рядах множество элементов, с радостью выдающих информацию противнику. Необходимо было действовать самому, что он и сделал, выломав дверь, идущую в подвал, прямо из подъезда жилого дома.

Он искренне считал себя умнее бандитов, за что и поплатился – его выход был замечен второй машиной наблюдения, и когда такси высадило Сергея рядом с серыми заборами полузаброшенных дач, его уже ждали всем составом, затаившись в доме, заранее определив направление движения.

При первой встрече Сергея с призраком Надежды, ему потребовалось все его самообладание, чтобы не закричать от ужаса.

Насыщенный энергией страха образ привидения отражал все отвратительные черты смертных метаморфоз, произошедших с телом за последнее время.

Нижняя челюсть отсутствовала на почерневшем, осунувшемся лице, черты которого исказились до неузнаваемости. Волос не было совершенно, лишь слизкая, черная шапка гари в районе лба и лишь глаза, как блеклое отражение чистой души сохраняли остатки голубизны и ясности, как и при жизни.

Неподготовленный Сергей был настолько шокирован при появлении призрака в квартире, что словно маленький мальчик, не в силах совладать с волной накатившего ужаса, инстинктивно упал на пол и забился в дальний угол комнаты, затравленно разглядывая обезображенный образ женщины.

Сдерживаемое мычание – единственное, что вырывалось из его плотно сжатого рта.

Теперь ему было до ужаса стыдно за проявление подобной слабости. Внутренне Сергей поклялся, что отныне, что бы ни случилось, и кто бы ни предстал перед ним, он не посмеет повторить подобное поведение вновь, чего бы это ни стоило его самообладанию.

И вот спустя пару часов, обещание данное себе проходило лютую проверку на прочность, не позволяя Велесову орать в голос, теща преследователей и призывая несуществующую помощь.

Между тем Надя, как старая знакомая, парила перед ним над ковром пахучих таежных трав, беспрепятственно пропуская сквозь свое астральное тело ветви колючих кустов:

– Потерпи, Сергей, до реки осталось недалеко, – негромко проговорило привидение, словно опасаясь, что ее еще может кто-то услышать, помимо запыхавшегося Велесова, пребывающего в сумеречной зоне сознания:

– Сейчас соберись с силами, вставай и продолжай движение в том направлении, куда повернуто мое лицо, – строго, как-то по-учительски вела она торопливый разговор, – Ты здесь не отлежишься. Они тебя найдут. Я вижу, как собаки натянули поводки и скалятся, рвутся в нашем направлении! Животные чувствуют меня лучше, чем живого человека, я привлекаю их внимание. Поспешి продолжить бег. Ну! Или ты хочешь составить мне компанию на дне реки?

– Тебе легко говорить, – тяжело ответил медленно приходящий в себя Сергей, – ты уже мертва, уж простите за бестактность! Я же совершенно вымотан, кажется, еще несколько минут подобного рандеву, и мои внутренние органы откажут сами по себе.

– Я не заставляла тебя немедленно кидаться на поиски! – на фоне свинцовых туч, в темноте яростно блеснули холодные, голубые глаза, – ты прекрасно знал, что Ринат хитер. Что за тобой будут следить. За каждым твоим шагом. Они ждали тебя у подъезда и ждали бы тебя до утра. Выдержки его людям не занимать Герой! Хорошо, хоть уговорила тебя позвонить мужу!

– Да, и он тут же чуть не послал меня куда подальше! Я даже не ведаю, адекватно ли он принял сообщение, что я знаю, где находится труп его жены! В его глазах я теперь главный подозреваемый! Меня непременно проверят на вшивость. И будут совершенно правы!

– А что было бы лучше? Помочь бандитам скрыть следы преступления? Я уверена, у Олега хватит ума, чтобы разобраться в причастности или непричастности тех или иных лиц к факту моей кончины! Как опытный сотрудник он...

– К тому же, ты могла заранее сказать, что Олег сотрудник под прикрытием? – перебил привидение раздосадованный Сергей, – Почему я узнаю об этом только в тот момент, когда преследователи сели мне на хвост!? – забывшись, Сергей сказал это чересчур громко, чем привлек внимание преследователей к месту своего лежбища.

Бандиты резко замолчали и медленно, взяв ружья наизготовку, начали вкрадчивое движение в его сторону:

– Ох, надеюсь, твой муж принял мой звонок адекватно и движется сюда с подкреплением, – Сергей вновь перешел на шепот, но было слишком поздно.

Он полностью раскрыл себя.

– Беги, Сережа. Я их отвлеку. – Надя быстро растворилась в темноте, и лишь фосфорное свечение на месте исчезновения, ее голубых глаз продержалось еще какое то время.

Но этого, Велесов, увидеть уже не успел.

– Вот эта сука, внизу! Сюда, братва, гони его, гаси тварь! – кто то из подельников Рината обнаружил пропажу. Мгновенно, переходя от слов к делу, раздались несколько выстрелов из карабина.

Одна из пуль, прожужжав огромным шмелем, вырвала кусок ткани и больно обожгла мясо плеча вместе с частью спины.

Перекатившись в сторону, Сергей с низкого старта, проскальзывая и оступаясь, продолжил свой бег, ожидая всем телом, как следующая пуля войдет ему промеж лопаток.

– Он мой, не стрелять! – крикнул оттолкнувший подельника Ринат и тут же прицелился в ускользящую мишень. Его палец приятно холодило ощущение натянутого до предела спускового крючка.

Ринат уже сделал вдох, небольшой выдох и задержал дыхание для более точного выстрела, чтобы поразить бегущую в пределах видимости цель как раз в основание шеи, оставив по устоявшейся привычке жить жертву еще какое то время, чтобы полностью насладиться ее агонией, но не успел:

Правую щеку главаря внезапно, больно обжег укус насекомого. Ринат, против своей воли, рефлекторно дернул стволом ружья вверх, производя выстрел и пуля, срезав мохнатую ветку сосны, унеслась в набрякшие дождем, черные, гроззовые облака.

В великой досаде Ринат раздраженно прихлопнул побеспокоившую его тварь и растёр по щеке, после чего внимательно рассмотрел ладонь.

Обычный, ничем не примечательный паук, чью сеть он повредил своим внезапным вторжением.

Лишь голубое, легкое, практически не различимое свечение выдавало в скрученных останках паука присутствие Нади.

Даже на столь сложной дистанции в гонке не на жизнь, а на смерть Сергей старался по-прежнему рассуждать логично: «Итак, если муж Нади отнесся к звонку серьезно, даже если он подстраховался и вызвал подкрепление, у меня настолько мало шансов остаться в живых к их прибытию, что я бы сам на себя не ставил на каком-нибудь тотализаторе»

Велесов ловко увернулся от толстой ветки на своем пути: «К тому же я уже очень далеко удалился от дачного кооператива и единственным ориентиром происходящему служат редкие раскаты выстрелов в лесной гуще. Да уж... Так я еще никогда не влипал» мысли обрывисто проносились в его голове в такт его неровным скачкам по кочкам засохшего болотца.

– Ринат, ну давай уже спускать собак, мне надоело гоняться! Поехали домой, – совсем рядом послышался жесткий голос одного из бандитов, – поиграли, и хватит! Я уже до нитки вымок от собственного пота. Я в спортсмены не стремился. Пора когти рвать и новое алиби придумывать. Пускай малыши вкусят крови! Они давно не рвали человечину!

– Сам знал! – Ринат, не терпя вмешательства в руководство, злобно осек подельника в самый разгар тирады, – Валек, в тебе ума столько, что я удивляюсь, как тебя в детстве цыгане не украли. Еще раз рот раскроешь, рвать будут тебя. Усек?

– Ринат, я же не в урон твоему авторитету, я...

– Заткнись уже если язык дорог. Игнат, собак в игру!

Сергей услышал, как и без того близкое рычание стало стремительно приближаться.

Несколько собак бойцовской породы, крупных, покрытых вздувшимися буграми мышц мощными телами прокладывали себе путь под ветвями густых, колючих кустов, грудью проламывая любое сопротивление растительности.

«Вот и все, приехали, отбежали», с легкой грустью подумал Сергей и тут же за промелькнувшей мыслью, неожиданно для него самого, последовал короткий полет, завершившийся громким плеском и ощущением охлаждающей тело, смыкающейся над головой воды.

Волны суетливо забегали по встревоженной поверхности, гулко ударяя в глиняные берега. Небольшая таежная речка приняла Сергея в свои объятия, вновь вселяя в него надежду на лучший исход.

От неожиданности Велесов обильно захлебнул воды в легкие и, вынырнув, зашелся в протяжном, надрывном кашле. Его несло неторопливым, ленивым течением, и беглец судорожно старался оставаться на плаву, делая торопливые гребки по направлению потока.

Так и не услышав еще нескольких тяжелых всплесков за своей спиной, Сергей сделал вывод, что собаки, отстали и призрачный шанс выжить, влил в его движения новые силы.

Если бы он повернул голову назад, хоть на секунду, он бы понял, что псы специально натасканные на погоню не оставили бы свою жертву в покое ни на суше ни в воде.

Собакам не составило бы труда продолжить погоню и в реке, нырнув за ним, достав его для обожаемых хозяев даже со дна, но огромные животные лишь глухо рычали, остановившись на берегу.

Две пары налитых кровью глаз настороженно уставились на парящий над обрывом призраком молодой женщины, преградивший им путь,

– Вот, суки беспонтовые, ушел гнида! – разнеслось над ночной рекой, перекрывая шум далеких перекатов, – Мужики, по любому по воде уйти пытается, давайте вдоль берега! – Рычал подбежавший к берегу Ринат, раздосадованный оплошностью собак. Он, не наблюдая ничего необычного, кроме замерших в оцепенении псов.

Его щека нестерпимо чесалась и сильно распухнув, пульсировала на искривленном лице.

Всего лишь в нескольких метрах, прямо напротив него, лучились яростью, невидимые для бандита, голубые глаза Панфиловой, с ненавистью уставившиеся на своего мучителя и убийцу.

– Ну, суки! – медленно, страшно промолвил Ринат, сатанея от волны злобы накрывающей все его естество из глубины души, в которой не оставалось уже ничего святого.

Он направил наскоро перезаряженное ружье в сторону своих питомцев, возвращаемых им еще с того момента, как они были подарены ему щенками:

– Упустили падлы! Только зря баланду на вас перевожу!

Приговором прозвучало несколько выстрелов и протяжный вой, полный боли унесся в небеса отраженный обрывистыми берегами таежной реки...

Сергей был хорошим пловцом, но после длительной пробежки сил оставалось все меньше. Его голова то и дело скрывалась под водой, но упрямым поплавком вновь показывалась над темными водами.

Проплыв по собственным ощущениям около двух километров, постоянно перелезая через упавшие, зацепившиеся о другой берег, стволы сухих деревьев, преобильно задевая невидимые под водой коряги гребущими конечностями, изможденный до предела Велесов среди таежной гущи увидел меж раскидистых кустов красной смородины глиняный, небольшой, пологий откос, куда можно было взобраться без лишних усилий.

Едва под ослабшими, дрожащими ногами почувствовалось склизкое тинистое дно, Сергей, с натугой выплеснув в реку содержимое желудка, с большим количеством мутной, грязной воды.

Брезгливо поморщившись, наскоро обтерев рот ладонью, он упрямо, на четвереньках пополз вперед, ежесекундно подскользываясь даже в таком положении на поверхности невидимого дна.

Перед самым берегом, израненными ладонями обеих рук, Сергей вошел во что-то склизкое и мягкое, неприятно чавкнувшее и просевшее под весом его тяжелого тела.

Стараясь не забивать голову мыслями о том, что бы это могло быть и не смотреть на руки, изможденный беглец в полный рост, навтыжку, с наслаждением растянулся на скользкой глине, наконец-то окончательно выбравшись на берег, наслаждаясь ее прохладной поверхностью.

С великой апатией Велесов отмечал неприятные изменения в собственном теле: в висках пульсировала кровь, грудную клетку жгло огнем надорванного дыхания, желудок ныл от обилия попавшей внутрь мутной воды.

Ноги сковала маетная тяжесть до предела, до судорог уставших мышц и связок. Сердце гулким, поминальным набатом, ухало в груди став чужим, инородным объектом, стремящимся вырваться наружу, сквозь плоть хозяина.

Кружась на быстрой карусели собственного сознания, будто после длительного вращения волчком, Сергей услышал прорывающийся сквозь полузабытые тихий голос Надежды.

– Ну, вот и все, ты нашел меня, Сереженька, спасибо родной! Ориентир – большая сосна, склоненная над водой, как я и говорила у тебя дома. Запомнишь? Если пройдешь чуть далее по берегу, наткнешься на лесную дорогу. Она делает значительный крюк и выходит на ЛЭП. Сверни направо и по проводам выйдешь напрямиком в город.

– То есть, как нашел? – Велесов тяжело разбирал слова сквозь гул в ушах. До него далеко не сразу доходил смысл сказанного Надеждой, – Не понял, я не вижу ничего кроме твоего астрального тела, – слабый голос предательски дрожал, каждое слово прорывалось наружу с превеликим трудом.

– Как сказать тебе, Сережа, даже не знаю. Просто это так интимно и стыдно... Дело в том, что ты наступил на меня, точнее на то, что когда то было мною, когда выбирался на берег. Ринат и его люди утопили мое тело и, чтобы я не смогла всплыть, добавили несколько камней к завернутым в мешковину останкам.

– Где Ринат и его банда? – Сергей поспешил перевести тему, подавив новый рвотный рефлекс, воочию представив, во что недавно угодили его руки, и еле сдержался из вежливости к собеседнице, чтобы немедленно не обтереть их о глину.

– Я не знаю, Сереж. Я привязана к тебе. Я вообще не понимаю, почему способна чувствовать тебя! Немного задержаться могу на расстоянии, но чем больше разрыв между нами, тем больше я слабну, растворяясь в тканях мироздания. Если бы не чувство, схожее с ощущением щекотки, поселившееся в груди, я бы, видимо так и не смогла далеко уйти от своего тела, – привидение глубоко вздохнуло, рефлекторно поддавшись старой и не нужной ныне, привычке, – Ты не разлеживайся сильно. Простынешь, – с заботой отнеслась она к своему помощнику...

Возникла неловкая пауза, прерываемая лишь далеким, сердитым уханьем филина.

– Ну что, пора прощаться? – Надя первой решила возобновить неловкий разговор, – Спасибо тебе, Сергей. Денег ты от меня, конечно не получишь, – она еле слышно, мелодично хихикнула потешаясь над собственной шуткой, – но зато избавила тебя от мук совести, оберегла от неправильного шага. Да и приключение вышло уникальным, будет что вспомнить, да детям рассказать, – Панфилова тепло улыбнулась и грациозным движением откинула, перекинутую через плечо, толстую косу назад, – Впрочем, ты сам решил, как поступить. Я послужила лишь катализатором. Думаю, рано или поздно ты бы сам пришел к выводу, что вам с Ринатом не по пути. А с полицией... что-нибудь решишь. Ты же умный. Знаешь, что и как говорить. Уверена, все будет хорошо! Прощай Сереж!

Призрак парил над водой, и Велесов невольно залюбовался погубленной красотой женщины в самом расцвете сил. Ему было невероятно жалко Надю, успешную стать матерью двоих детей к моменту их новой встречи.

Где-то в глубине души Сергей был счастлив, что сделал все от него зависящее, чтобы отомстить за нее. Не смотря на адреналин и чувство опасности в душу робко постучался давно забытое в каждодневной суете чувство покоя от правильно, по-совести принятого решения.

Чувствуя внутренний порыв и необходимость выговориться, с несвойственной ему сентиментальностью, еле сдерживая предательски накатившие слезы, Велесов поспешил донести до привидения, всю важность произошедших за эту ночь, внутренних изменений:

– Это тебе спасибо, Надя! Ты помогла вспомнить, что все-таки я не плохой человек, не смотря на то, что юрист, – сила благородных, чистых эмоций вновь стала наливать ослабленное тело Сергея, позволив ему даже совершить усилие и сесть, – правда, мои приключения только начинаются. Крыша Рината мне точно не простит мои сегодняшние выкрутасы, так

что, может быть, в скором времени свидимся, – он легко усмехнулся, отметив про себя, что не испытывает чувства должного страха к смерти, а лишь готовность к дальнейшей борьбе.

Так бывает, когда человек переходит ту грань, выдав весь свой потенциал до предела. За этой гранью чувство страха навек притупляется и становится лишь слабым, зеленым фоном, необходимым разве что для сохранения в действии механизмов инстинкта самосохранения.

Усилием воли Велесов выбросил ненужные в момент прощания мысли о дальнейших проблемах из головы:

– Зато, как и хотел, вышел из зоны комфорта, а то дом – работа, дом – работа. Надоело... – сидящий Сергей выдавил вымученную улыбку, стараясь шуткой чуть сбавить накал эмоций от затянувшегося прощания.

И осекся на полуслове.

Неожиданно тишина ночного леса, чуть выше по течению разлетелась на осколки, разрушенная целой канонадой выстрелов из разнокалиберного оружия.

В нескольких сотнях метров от места, где он обнаружил тело, разгорался и набирал обороты самый настоящий бой: накал перестрелки то резко разрастался, то затихал, разрывая тишину одиночными выстрелами и вскриками.

На уровне обострившихся инстинктов чувствовалось, что происходящее недалеко действо перекатывается с места на место, разрушая чьи-то судьбы, отнимая чьи-то жизни и мечты.

Механический, властный, привыкший отдавать приказы голос из полицейского репродуктора грозно разнесся над чащей:

– Граждане бандиты, сложите оружие, дальнейшее сопротивление бесполезно! Бесполезно! – повторил невидимый командир для пущей остроты, – Вы несете потери, поэтому ультимативно приказываю сдаваться! В противном случае вы будете уничтожены! Уничтожены!

Ответом на механический голос, послужили множественные выстрелы и взывшие вдалеке сирены служебных машин, которым больше не нужно было сохранять конспирацию.

Крики ярости и отборная брань в паузах между пальбой давали окончательно понять сотрудникам полиции, что Ринат и его банда не собираются добровольно сдавать оружие, не смотря на численное превосходство блюстителей правопорядка.

Перестрелка вспыхнула с новой силой и размахом, вспышками огня озаряя верхушки разбуженных деревьев. Гулко ухнула и взметнула вверх комья земли разорвавшаяся граната, брошенная одной из сторон.

Кусты позади сидящего Сергея предательски зашелестели, выдавая осторожно подкрадывающегося человека.

Велесов напряженно и медленно обернулся назад, по направлению звука и уперся взглядом в направленный на него ружейный ствол, который держал запыхавшийся и раскрасневшийся Ринат.

Безумно улыбаясь остатками зубов, морща сломанный нос, он заорал, блеснув золотой фиксой:

– Сдал меня ментам, да Сереженька? Совесть замучила со злыми дяденьками дело иметь? А дяденьки то тебя прикормили, денежки давали, почти своим считали. Ну, сука, молись! Знал я, сволочь, где тебя искать. Нутром чуял. Как узнал что тело здесь? А, сука?

– Тебе все рассказать или только эпизодами? – зло, вопросом на вопрос ответил Сергей, досадливо понимая то, что затянувшееся прощание и сантименты только что стоили ему жизни, – ты же меня все равно завалишь, вот теперь тебе действительно терять нечего, гад! А поэтому не трати время, стреляй!

Для пущего веса своим словам, он с треском рванул за ворот футболку, распахивая для выстрела мощную грудь, в которую был направлен дрожащий ствол ружья.

Позади Сергея раздался тихий, испуганный голос, невидимой для Рината Нади:

– Сerez, помнишь, ты впустил меня в квартиру?

– И как мне это должно сейчас помочь? – Сергей обернулся с вопросом, уставившись в темноту другого берега, видимую без каких-либо дополнений для пораженного несвойственным поведением жертвы, Рината.

– С кем это ты там разговариваешь, идиот? – уже более тихо произнес убийца.

Бандит едва не спустил спусковой крючок, но остановился, заинтересованный разговором Сергея с темнотой.

Его, совершившего столько ужасных дел за свою долгую, насыщенную жизнь, практически не знакомого с чувством страха после множества передрыг и неоднократных «ходовок на зону», на уровне инстинкта, пробрал липкий холодок прокрадывающегося в душу ужаса:

– Ты че, призрака увидел что ли, а? Смотри на меня, падла, убивать тебя буду! – Голос Рината дрогнул, выдавая бушующие внутри эмоции.

Невидимая для уголовного Надя тихо, но торопливо продолжала, обращаясь к Сергею, не обращая никакого внимания на поведение бандита:

– Впусти меня в свое тело так, как впустил в свой дом. Отвори двери. Мне удавалось подчинить себе насекомых, птиц и животных, вселяясь в их тела. Не думаю, что согласный на вторжение человек чем-то принципиально отличается от этих созданий. Ну же, решайся! Времени нет!

Велесов и сам понимал, что выбора у него нет. Скоро его необычное поведение наскучит бандиту, и тяжелая пуля, вскрыет его грудную клетку, превращая в хладный труп:

– Я выпускаю тебя, Надежда, в свое тело, как выпускал тебя в свой дом, – Велесов неторопливо поднялся на ноги, похрустывая остывшими от лежания на холодной глине, суставами рук и ног:

– Я отворяю перед тобой все двери! Ну, или как то так, – тихо и зло произнес Сергей, ало, яростно блеснув глазами и медленно поворачиваясь всем телом по направлению к Ринату.

Улыбка смертельной решительности превратила лицо Сергея в маску бездушного манекена, готового к любому стечению обстоятельств.

Взгляды убийцы и жертвы встретились, заставляя воздух между глазами, осязаемо задрожать от напряжения. Сергей даже вытянул перед собой руки, стараясь предохранить себя от возможного падения лицом вниз, не зная, чего ожидать далее.

Со стороны это выглядело так, словно древний шаман камлает, притворяя в жизнь древний обряд.

Блеснула трескучая вспышка молнии. Заглушая выстрелы над тайгой, прокатился могучий, всепоглощающий раскат грома.

Сергей почувствовал, как что-то очень холодное и склизкое влило через его затылок в позвоночник, наполняя его как пустой сосуд.

Он оставался в полном сознании, но с удивлением отмечал, как перестает сегментами чувствовать свое тело: сначала перестали испытывать ноющую боль ноги, потом прошел ушибленный о корягу живот.

Холодный, мертвенный покой, перетек в руки и заполнил голову, вымывая Сергея в самые отдаленные области сознания, делая пустое понятие сумеречной зоны выпуклым и осязаемым.

Не смотря на полную потерю контроля над телом и своими действиями, он не просто не упал на землю, а расправив плечи, приосанился, отбросив невидимую, тяжелую косу назад, уставившись на Рината чужими глазами, полными голубой ярости.

От неожиданности, шокированный бандит осел на корточки и глаза его наполнились ужасом, вытесняющим привычный, надменный холод из самоуверенного взгляда. На несколько секунд, звук ближнего боя, перекрыл треск выпускаемых от чувства неконтролируемого страха, кишечных газов.

Ринат сейчас более напоминал животное, загнанное в угол стаей хищников, чем человека. Животное, осознающее страх неминуемой и жестокой расправы: его губы тряслись, а лицо безвольно разгладилось, заставляя скулы неряшливо свисать на своих прежних местах.

Но и для Велесова подобные изменения не проходили бесследно. Он чувствовал себя марионеткой, растянутой на невидимых нитях Надиной воли.

Именно она, за Сергея, опустила его глаза вниз, разглядывая руки вытянутые вдоль тела.

Точнее, того, что от него осталось:

Даже являясь островком сознания в глубинах собственной черепной коробки, Сергей чуть сам не потерял сознание, разглядывая открывающуюся из собственных глаз картину: обгорелые, покрытые волдырями, разложившиеся в воде женские руки, покрытые, местами припекшейся от огня, тканью летнего сарафана.

Пленник собственной головы осознал, что находится запертым внутри обезображенного, женского тела, которое магическим образом подменило его собственное...

Панфилова, захватив тело Сергея, наслаждалась произведенным на Рината эффектом, растягивая момент триумфа долгожданной мести.

Обожженная гортань, исковерканным, ломаным голосом спросила ошарашенного преступника:

– Ну как я тебе, дорогой? Нравлюсь? А ведь ты так хотел меня, так желал. Иди ко мне, что же ты?

Находясь в мертвом теле только островком сознания, Сергей почувствовал, как начал медленное движение вперед, шлепая распухшими от воды, покрытыми тиной обнаженными женскими ногами по скользкой глине, источая невыносимый запах гнили и гари:

– Али не мила я тебе стала, чужая жена? Иль мила? Иль не мила? – Надя повторяла это с каждым шагом, пройденным навстречу.

Ринат выдавил в ответ что-то нечленораздельное. Скорее рефлекторно, благодаря нажитым годами рефлексам, он вскинул ружье и нажал на спусковой крючок.

Оглушительно грянул выстрел, закончившимся прямым попаданием пули мертвой Надежде в правое плечо. Тело слегка отбросило назад, но она даже не осеклась, вопрошая раз разом одно и то же, как заклинание.

Грохнул и полетел отражаться эхом от берегов второй выстрел и пуля ружья снова нашла цель. Мягкий шлепок в этот раз хлюпнул в районе живота, вырывая из нутра черную жижу застоявшейся воды.

Заряды кончились, и ружье несколько раз тихо клацнув пустым, бесполезным механизмом, выпало из скованных ужасом, обессиленных рук Рината в прибрежную грязь.

Надежда подошла вплотную и опустила перед ним на корточки.

Ее лицо оказалось напротив лица бандита. Она протянула вперед обезображенную руку и погладила лицо врага, оставляя на нем следы гари, вперемешку с кусочками гнилой плоти.

Она тихо зашептала, склоняясь к уху Рината, своей разорванной, распухшей щекой касаясь его щеки:

– Нет, дорогой, сегодня мы выйдем в последний путь вместе. Надеюсь только ты в те места, где души под грузом содеянного находят не вечное упокоение или перерождение, а долговременное страдание, кажущееся вечностью, – Остатками рта она коснулась губ Рината в безумном поцелуе смерти.

Убийца и жертва, поменявшиеся местами.

Мертвая женщина и живой мужчина.

Холод и тепло.

Они были преисполнены контраста во всем и казались ирреальным миражом на пустынном берегу в объятиях июльской ночи:

– Кажущееся, вечностью, – повторила Надежда, словно баюкая несмышлёное дитя, и отвела лицо от побледневшего лица Рината. Он был мертв.

Сергей передернулся внутри от отвращения: не каждый день, вопреки собственной воле его принуждали целовать человека одного с ним пола. Забавно, но это была самая важная и волнующая мысль, посетившая Велесова в этот момент.

Протестуя поцелую, Сергей интенсивно забился в черепной коробке, стараясь смахнуть чужое присутствие в собственном теле, как вдруг ощутил обратное чувство, как будто его резко перевернули с ног на голову, хоть он и не менял свое местоположение в пространстве.

Холодное и склизкое ощущение, заполнявшее его позвоночник и голову, вылилось через затылок наружу и первое, что он почувствовал – это тошнотворный привкус гнили во рту.

Едва сдержав очередной рвотный рефлекс и сократив живот, он из глубин своего тела ощутил врывающееся в мозг чувство невероятной боли.

Шокированный ощущениями он упал на мертвого Рината, повалив его замершее на корточках тело навзничь. Обильно брызнула алая и красная кровь, смешиваясь воедино, обильно окропляя все вокруг.

Над водной гладью тихо разносился женский плач полный отчаяния, который медленно тонул в шелесте начавшегося ливня.

Перестрелка в лесу закончилась, как и мощная волна воды, скоротечно пролившаяся с разверзшихся небес. Над вершинами деревьев мелькали во множестве отсветы мощных фонариков, исчерчивая небо лучами белого света.

Легкий ветерок, подувший, откуда то из глубин лесной чащи в ребячем озорстве связал воедино запахи лесных трав, крови и пороховых газов, разнося их над водными бурунами перекатов.

Несколько человек в полицейской форме, торопливо продирались сквозь колючие кусты шиповника и красной смородины, стремительно приближались к глинистому берегу, где скрючившись в неестественной позе, на трупе поверженного врага, истекал кровью и старался зажать страшные раны окровавленными ладонями, обезумевший от боли Сергей.

Велесов протяжно стонал, ощущая как с каждой каплей потерянной крови, из его тела уходит тепло.

Послышался встревоженный, громкий голос скрытого прибрежными кустами мужчины.

Пусть и без репродуктора, голос был легко узнаваем. Именно этот человек, привыкший повелевать, предлагал Ринату и подельника сдаться:

– Будь осторожен, Олег! Там могут быть еще бандиты!

– Павел Сергеевич, я осторожен! Скорее ребята, скорее. Прикрывайте если что!

Упомянутый в разговоре Олег ловко проскользнул вперед по мокрой поверхности глинистой почвы, обгоняя коллег в форме, и первым вылетел на прибрежную полосу.

Сам мужчина был одет в легкую, белую майку и длинные синие бриджи, плотно сидящие на мощных ногах, на которых под бронзовой кожей гуляли бугры выпуклых мышц.

– Ого! – невольно выговорил опытный сотрудник, за годы службы привыкший ко многому, – ребята, да здесь раненый, – Панфилов вскинул пистолет, зажатый в руке, направив его на лежащие тела.

Годы выучки натренированного, натасканного офицера Министерства Государственной Безопасности, профессионализм, участие в реальных боевых действиях не позволили Надину мужу так легко поверить в сцену с раненым, открывшуюся на берегу, выискивая в окружающей обстановке признаки возможной засады для отряда.

Наметанный, колючий взгляд черных глаз цепко прошелся по кустам смородины, и лишь убедившись в безопасности последних, офицер опустил пистолет, продолжив движение, к лежащим друг на друге телам.

Даже сквозь лютую, боль Сергей узнал приближающегося, плечистого мужчину: пусть в черных, коротко стриженных волосах белым инеем давно поселилась седина, пусть черты лица возмужали, а в движениях появилась хищная решительность и ловкость, все же это был тот повзрослевший парень на девятке, которому Надя отдала свое сердце.

Олег склонился над поверженными телами и, убедившись в отсутствии замаскированных растяжек, махнул рукой выжидающему команды Павлу Сергеевичу.

Панфилов решительно откинул тело Велесова в сторону, осматривая повреждения. Мертвому Ринату оперативный работник МГБ уделил лишь мимолетное внимание, кратко бросив взгляд на его застывшее под маской ужаса лицо и вскользь проверив отсутствие пульса на шее.

Тем временем на берег высыпало множество людей в полицейской форме, далеко отставших от офицеров, привыкших к передвижениям по пересеченной местности.

Они очень громко переговаривались из-за заложенных пальбой ушей, обсуждая между собой, кем же реально является этот странный гражданин в штатском одеянии, так хорошо знающий их сурового командира.

Чуть ранее, в разгаре боя, на их глазах этот человек в белой футболке уничтожил сразу несколько засевших в овраге бандитов, стремительным вихрем огня и смерти, пролетев по их позициям.

Сергей из последних сил приподнялся, опершись спиной о труп бандита, и окровавленной рукой схватил насторожившегося Олега за ворот майки, притягивая к себе.

Велесов тяжело дышал, в горле что-то безобразно булькало, перекрывая ход, так необходимому для жизни, кислороду. Тело трясло в бесконтрольных судорогах агонии.

Тем не менее, собирая непослушные слова воедино, он все силился сказать Олегу очень важную информацию, продираясь сквозь мешающий, кровавый ком.

Его потуги то и дело перекрывали выкрики людей.

– Ну – ка молчать! – могучим ревом Олег остепенил чрезмерно говорливых коллег, – Говори, – сказал он, приближая ухо к булькающему рту Сергея.

– Олег. Панфилов. Олег. – Изображение расплывалось и рябило в глазах. Сознание раненого билось в черепной коробке, выискивая нужные слова в пелене полузабытья – Слушай. Надя мертва. Прости. Она здесь же. Это я звонил. В воде. Ринат убийца. Будь осторожен. У него серьезная крыша. Они знают кто ты. Береги детей. У них люди в полиции. Я... я... – Сергей осекся и закашлялся. Сознание резко покинуло его, накрытое волной слабости.

Последнее, что он ощущал, проваливаясь черноту, как падающие на лицо капли дождя превращаются в черный песок далекой планеты, засасывающий Сергея внутрь себя, вырывая из привычной реальности в пустыню черного ада.

Гулко, отражаясь эхом в черепной коробке, заклокотал смех Черного Хранителя, полный торжества.

Сергей почувствовал присутствие еще кого-то в своем сознании. Спокойного, молчаливого, страшного в своем величии, серебряной каплей промелькнувшего во мраке наступающей ночи.

Перед тем как исчезнуть серебряная капля отделила от себя ничтожную, малую часть.

Частица серебра стала разрастаться, изменяя цвет и разрастаясь в размерах, плавно превращаясь в образ стремительно приближающегося Черного Ворона.

Рука раненого отпустила ворот Олега и бессильно упала рядом с телом. Он несколько раз дернулся в агонии и глаза его закрыли тяжелые веки.

Через несколько секунд над Сергеем склонился еще один человек, на плечах которого виднелись майорские звезды: густые, черные усы и брови были покрыты капельками пота,

а худое, изможденное лицо уже немолодого мужчины покрывали множество царапин образовавшихся в ходе ночной операции.

Форменная одежда была разорвана в районе груди, обнажая скрытый под ней бронежилет, принявший на себя удар нескольких пуль из ружей бандитов. Видимо Павел Сергеевич не привык отсиживаться за спинами своих боевых товарищей, предпочитая бросаться в самую гущу схватки.

Когда майор заговорил, то создалось впечатление, что шевелиться только нижняя губа, настолько густа была растительность на его лице:

– Что там, Олега? Жив еще?

– Жив, Павел Сергеевич! Скорую быстро! Товарищ майор, пусть пацаны за носилками сгоняют, быстрее! Сергеич! Этот гражданин говорит, что нужно осмотреть воду! Там Надя! – и под удивленные взгляды сотрудников полиции, Олег первым кинулся к воде, ныряя в ее прохладные, грязные воды и торопливо шаря руками по отмели.

– Что со вторым? – коротко бросил майор, не смотря на статус начальника, тут же обрушившегося в воду рядом с обезумевшим офицером МГБ.

Тяжелый бронежилет по инерции пронес майора чуть-чуть дальше, вынуждая усатой головой погрузиться в воды таежной речки.

Олег не ответил, его рука только что уперлась в грубую ткань чавкнувшего, большого мешка, скрытого под водой.

Майору ответил молодой сержант, осматривающий труп Рината на берегу:

– Пульс не прощупывается, видимых повреждений нет, – доложил Павлу Сергеевичу молодой сотрудник, – выглядит ужасно, глаза навывкате, словно от страха умер.

– Это установят специалисты. Не умничай, рано еще, – одернул полицейского его начальник, с усом которого в обилии стекала грязная вода – Олег? – вопрос застыл на приоткрытых губах майора.

По изменившемуся лицу бывалого оперативника, Павел понял, что самые страшные опасения, в которые никто до последнего не желал верить, сбылись.

Олег медленно, мощно и грозно встал из воды, держа на весу зеленый, покрытый тиной мешок, с которого стекала черная, дурно пахнущая вода и безумные, черные глаза его были полны слез.

В кромешной тишине, Панфилов вынес мешок на берег и бережно положил его на землю.

Глухо брякнули тяжелые камни, внутри устрашающего свертка.

Олег опустился на колени, дрожащими руками, стремительно разорвав плотную ткань, и неподвижно застыл от ужаса...

Молодой филин, на ветке дерева, прекратив свой ночной поиск добычи, с удивлением и неудовольствием наблюдал за суетой, растекающейся под его лапами, так мешающей привычному ходу событий в лесу.

Птица, не моргая вертела из стороны в сторону огромной головой, и раздосадовано ухнув, взлетела, встревоженная звуком приближающейся машины.

Автомобиль скорой помощи неторопливо крался по узкой, лесной дороге, раскачиваясь на кочках, время от времени опасно кренясь. Его проблесковые маячки тревожно расчерчивали влажный предрассветный туман, словно огромный, береговой маяк посылал сигналы далеким кораблям, прокладывающим свой путь в бескрайнем океане.

Повсюду суетились злые и промокшие люди в разнообразной форменной одежде. Лес был перетянут оградительными лентами, шелестящими на ветру, кое-где, в суете, оборванными по неосторожности. Их концы, словно диковинные, яркие змеи, шевелились на холодной траве.

На глинистом берегу лежали два тела, накрытые полиэтиленовыми черными пакетами. Остатки дождя шлепали по ним, кое-где собираясь в небольшие лужицы, которые переполнившись, стекали вниз грязными ручейками.

Возле одного из черных пакетов, обессиленный горем, на корточках сидел Панфилов, ритмично покачиваясь и обхватив голову руками.

Филин громко ухнул, пролетая над ним, и безразлично продолжил полет в лесную чащу.

Видимая только птице, возле раскачивающегося Олега, не касаясь земли, парила красивая, молодая женщина с толстой, роскошной косой.

Она невесомо гладила сидящего мужчину по голове и шептала нежные, но не слышимые им слова.

Надя не была обезображена, наоборот любящий муж, сам того не зная, питал ее астральное тело великой энергией, наделяя образом, который он помнил при жизни и который будет помнить до последнего вдоха.

В нескольких сотнях метров двое санитаров зябко ежась, несли носилки по лесу, стараясь изворачиваться от мокрых веток, постоянно стремящихся к их телам.

Как охранник, на случай непредвиденных обстоятельств, их сопровождал молодой сотрудник полиции в звании сержанта вновь, уже без надобности обнаживший свой пистолет.

На носилках лежал бесчувственный Сергей, тело которого покрывала белая ткань, насквозь пропитанная кровью. Безвольная рука, упав с носилок, незамеченная медиками, тряслась в такт их шагам, тяжело роняя кровавые капли в грязь.

Тяготясь молчанием, сотрудник полиции заговорил:

– Столько трупов в одном месте. Никогда столько не видывал! Страшно сказать – троих мы завалили, один сдался, одного мертвым нашли на берегу вот с этим, – он указал на Сергея, – а в воде еще сюрприз. Как сериал по телевизору какой-то, ей богу! Да и среди наших есть несколько раненных. Из них один тяжелый. Ваш клиент то хоть выкарабкается? – сержант брезгливо, двумя пальцами свободной руки поправил безвольную конечность Велесова, небрежно закинув ее под ткань.

– А кто его знает, выкарабкается или нет, то врач скажет – меланхолично ответил идущий впереди санитар, – раны явно тяжелые, до больницы бы дотянул и на том радость. Он тоже бандит? – кивнул он назад в сторону носилок.

– А кто его знает, это установит следствие! – сказал сержант, передразнивая медика, выделив последнее слово и подняв палец вверх, – ладно мужики, доброго пути. Довезите его и спасите. Он, по ходу, единственный вменяемый свидетель. Сдавшийся урка говорить не хочет. Дело то прояснения требует.

– И тебе не хворать, – попрощались с сержантом санитары, водрузив носилки с телом в лоно автомобиля. Немедленно вокруг раненого засуетились ожидавшие клиента врачи.

Автомобиль скорой помощи, заверещав сиреной, стал медленно пятиться назад. Предстояла долгая и трудная дорога, требующая от водителя всего накопленного мастерства и опыта.

Из покрытой туманом чащи, над молчаливым берегом протяжно завывло несколько собак, провожая летящую ночную птицу, но этих собак не могли услышать живые...

Глава 4: Черные крылья

Бездонная пропасть песка все больше затягивала в свои объятия, проворачивая и кружа Сергея в душном водовороте отвратительных, образов, выходящих из темноты.

Кровь, грязь, растерзанные тела разных существ, проносились перед глазами Велесова, отражаясь криком последней агонии от плотных стенок песчаного водоворота.

Бесперывной пыткой в уши лился смех Черного Хранителя, полный ликования и победы. Вращение становилось все стремительнее, а окружающее пространство все жарче и жарче.

Неожиданным спасением для измученного сознания Сергея, подул легкий, освежающий весенний ветерок.

Напор его невесомых струй вырвал Велесова из горячей песчаной бури и стремительно понес прочь, вовлекая в поток серебристого цвета, проходящий сквозь мерцающее пространство быстро сменяющих друг друга образов и картин.

Все дальше и дальше уходил, исчезая с расстоянием негодующий крик Черного Хранителя, сменивший его недавнее ликование.

Полный лютой злобы и ненависти он грозил сотнями мертвых голосов растерзанных существ достать Сергея, даже если ради этого ему придется преодолеть половину Вселенной.

Полет становился все более стремительным: тягучий, неровный свист ветра все больше усиливался, становясь невыносимым.

Вокруг Велесова, как картины из чужих жизней проносились изображения разных мест замерших в этом пространстве вне времени: мелькали странно одетые люди, разнообразные животные и существа.

Все проносилось перед взором Сергея, с нарастанием скорости сливаясь в единый тоннель, наполненный звуками и обрывками разговоров.

Слева мелькнуло черное крыло. Совершив невероятное усилие, пересиливая бушующий и ревущий поток Сергей, посмотрел в эту сторону и поймал суровый, пристальный взгляд летящей рядом птицы.

Взгляд поглощал и манил. У птицы были странные глаза с зеленым зрачком посреди лилового белка.

Птица моргнула, и зеленый зрачок стал стремительно шириться в размерах, превращаясь в картину незнакомого луга полного фиолетовых, крупных цветов размером с футбольный мяч, на фоне далеких, горных круч под голубым небом невиданных ранее мест.

Сергей ворвался в эту картину и не смог кричать. Его не существовало – кричать было нечем. Тела не было, и он чувствовал себя аморфным, текучим кристаллом на фоне застывшего, иллюзорного мира.

Мелкими крупичками со всех сторон к чистому сознанию Велесова потянулись ручейки разноцветной пыли, которые собираясь воедино в потоки, постепенно, сызнова создавая утраченную физическую оболочку прежнего облика Сергея.

Едва поток сформировал гортань, как с все еще сыпучих, не сформировавшихся губ Сергея сорвался странный крик, более похожий на карканье вороны.

«Вот и все» мелькнуло в гаснущем сознании «Гагарин говорил, поехали, а мы, значит, приехали».

Изображение инопланетного луга с оглушительным хлопком, окончательно набежало на глаза, вобрав его с вышины птичьего полета на неведомую, статичную землю, пребывающую в полном покое.

Едва его все еще не стабильные ноги мягко коснулись поверхности луга, как будто кто-то неведомый резко включил поставленный на паузу фильм: зашелестела трава, запели птицы, а по небу побежали огромные, белые облака.

Сознание, не в силах выдержать огромных перегрузок окончательно померкло, защитным механизмом уводя Сергея в спасительную перезагрузку...

...«Что это?» первая мысль пришла в голову из мертвой пустоты без звуков и событий. В кромешной темноте и тишине резко включился свет, влившийся в глаза через серебряный шелест помех.

В уши мощным потоком влилась целая какофония звуков дикой природы: рычание далекого хищника, клекот птиц, журчание ручья и шум ветра над широкими просторами.

Очнувшись, Сергей почувствовал необычайную свежесть и легкость. С удивлением быстро поморгав глазами, он стремительно затряс головой, стараясь, чтобы размытое изображение неба с бегущими в головокругительной вышине перистыми облаками, обрело четкие контуры.

Это пробуждение напомнило ему далекое, беззаботное ощущение из детства, когда абсолютно выспавшись и восстановившись за ночь, после полного и насыщенного играми дня, он понимал, что впереди очередной праздник детского, беззаботного счастья.

Под властью иллюзии Сергей сладко потянулся всеми членами, расправив до хруста сильное и молодое тело на твердой, неровной поверхности и сел, щурясь на восходящее солнце.

Едва изображение в глазах окончательно обрело четкость, как Велесов понял, что совершенно не понимает, где находится. Абсолютно.

Единственное, что хоть немного всплыло в его памяти, это ощущение полета сквозь kaleidoscope разнообразных мест и картин и ужасный, нечеловеческий крик, летящий вслед.

Сергей закутил головой, дезориентированный в открывшемся пространстве, испытывая чувство крайнего удивления и частичной амнезии: он прекрасно идентифицировал себя, помнил свои имя и фамилию, возраст и пол, знал, как выглядит и уверенно контролировал движение рук и ног, но... никак не мог объяснить себе, где он находится и что привело его сюда.

Лишь легкое чувство щемотки, утихающее внутри, без слов подсказывало Велесову верное направление.

Весь прошлый опыт, все прошлые воспоминания были стерты или предельно повреждены, приходя в голову искаженными, полными противоречий, картинками, словно Сергей пытался дофантазировать недостающие фрагменты воспоминаний самостоятельно.

Становилось страшно. Чтобы отвлечься, он неторопливо оглядел открывшийся перед глазами необычный мир.

Представший перед Сергеем пейзаж являл собой огромное раздолье высокой, колеблющейся травы обласканной нежными лучами небольшого круга бледного солнца встающего над далекой, неровной полосой гор.

Местами зеленовато-желтый ковер степи прерывался серыми большими, мшистыми камнями, в великом множестве вылезшими из земной тверди.

Между камнями стремительно семенила короткими ногами большая кабаниха, топча под копытами большие, фиолетовые подсолнухи и не обращая на Сергея никакого внимания, вела выводок маленьких, похрюкивающих поросят, спешащих за матерью в лучшие места.

Серые валуны, иногда превышающие рост стоящего человека, будто по собственной воле когда-то давным давно пытались выйти на поверхность земляного подноса, но устав от своего трудного пути, уснули навеки, застыв на своих местах.

Изредка виднелись полосы редколесья, которые на фоне огромного купола голубого неба казались небольшими островками жизни в океане степей. Ближе к горам островки сливались в единую, густую полосу леса осеннего окраса.

Величественно и медленно улетал в сторону восходящего светила неровный клин незнакомых птиц. На пределе зрения, пугаясь собственной безумной догадке, Велесов признал в их телах знакомые, полузабытые очертания, виденные только в учебниках по истории.

Давным-давно, будучи еще подростком, Сергей с таким же недоумением и восторгом рассматривал изображения древних полуптиц – полуящериц грубые чешуйки кожи, которых, только с недавнего времени, посредством эволюции, стали обращаться в первые перья древнего мира.

Посреди всего этого великолепия Сергей, в прямом смысле этого слова, обнаружил себя, приминающим нежную гладь травяного покрова.

Он почувствовал легкую дрожь от холода, пробившей его молодое тело и еще более неожиданным открытием, последовавшим за этим ощущением, стало осознание того, что Велесов был полностью обнажен.

Чувство наготы заставило его рефлекторно прикрыться руками и опасливо оглянуться по сторонам, боясь увидеть невольных зрителей этого конфуза, но смущенный человек наткнулся лишь на брошенный вскользь, презрительный взгляд массивной кабанихи, исчезнувшей с выводком за ближайшим валуном. Сергей торопливо завертел головой в поисках хотя бы лоскута одежды или ткани.

Не обнаружив ничего и никого, прикрываясь наскоро собранным пучком травы, Велесов, преодолев привитое социумом стеснение, встал в полный рост, затравленно озираясь по сторонам.

Единственным живым существом, безмолвно и терпеливо наблюдавшим за всем этим действием, был, невидимый до поры, большой, черный ворон, сидящий неподалеку.

Он тихо переступал с ноги на ногу на толстом суку мертвого, высохшего дерева, которое, все еще сисясь не упасть, вгрызлось в редкую почву между серого скопления камней скрюченными, обезображенными смертью, корнями.

Ворон молча наблюдал за человеком, время от времени неторопливо поворачивая голову из стороны в стороны, подробно разглядывая Велесова то одним, то другим странным, лиловым глазом и деловито чистил перья.

Иногда ему это надоедало, и он просто устало закрывал то один, то другой глаз, белой пленкой птичьих век, наслаждаясь дуновениями легкого, теплого весеннего ветерка, наполненного терпкими ароматами просыпающихся на рассвете, фиолетовых цветов и трав.

Сергей подметил, что в отличие от земных подсолнухов они не поворачивались к солнцу, сопровождая его по небосклону, а наоборот презрительно смотрели в другую сторону.

Не имея ни малейшего понятия о том, как он здесь оказался и что делать дальше, Сергей подошел к мертвому дереву, медленно и задумчиво провел по шершавому стволу рукой. Выбрав максимально свободный ото мха камень, человек сел на него, опершись спиной о ствол деревянного мертвеца.

Сравнение фиолетовых цветов и подсолнухов помогло Сергею убедиться, что он прекрасно помнит о родной Земле, и не потерял чувство здорового анализа происходящих событий, но это никак не проясняло общее замешательство.

Велесов вновь попытался восстановить в памяти минувшие события, но они выскальзывали из его сознания в самые глубинные его области, покрываясь зыбким мраком забытья, не давая ни малейшей возможности зацепиться, ни за одну из промелькнувших догадок.

Последние смутные образы, которые хоть как-то задерживались в напряженном до предела вниманием: лес, выстрелы, люди.

Видения в голове скорее напоминали сцены и образы исчезающего под утренним светом полузабытого сна, чем реальные воспоминания.

Сергей что было сил физическим усилием напряг голову, зажмурившись до предельной натуги, до шума в ушах. В глазах потемнело, заволакивая черным туманом степные дали. Вспышкой мелькнула картинка нутра огромного автомобиля и ощущение езды по кочкам.

«Может меня сюда привезли?» с сомнением подумал он, широко распахнув зажмуренные глаза и оглядываясь по сторонам.

Он постарался найти следы примятой травы, на том месте, где мог пройти автомобиль. Ничего не было, не считая контуров его тела среди молодой растительности, которые уже начали терять очертание, так как трава начала подниматься, восстанавливаясь после испытанного давления.

– Где это здесь? Что же мне делать? – удрученно, риторически спросил Сергей, сам себя, вслух, нарушив умиротворяющий шелест трав и нежное журчание бегущего между камней, звонкого ручья.

Испытывая приступ жажды, он опустил на корточки перед ним и, наклонив голову к переливающейся глади, запустил губы в студеной, ледяную воду.

– Задающий вопрос сам наполовину знает ответ, – проговорил гортанным, жестким голосом Ворон, с легким акцентом южного человека.

Проговорив это, птица расправила крылья, и перепорхнула на другую ветку, снова замерев в своем молчаливом созерцании голого человека.

От неожиданности Сергей натужно закашлялся, от ледяной воды попавшей не в то горло. Он затравленно подскочил и обернулся, уставившись на черную птицу. Ворон молчал, устало закрыв белым оком блестящую бусину глаза.

– Кто это сказал? – Сергей медленно подошел к дереву, озираясь по сторонам. Поверить в то, что Ворон говорит как человек, он попросту не мог, хотя понимал, что таиться рядом кому-то еще, для его розыгрыша, негде и незачем. Единственным живым существом на пару километров вокруг была эта молчащая, черная птица.

– Задающий вопрос сам наполовину знает ответ, – повторил Ворон, даже не открывая глаз. Он медленно приподнял расправленное крыло, принявшись деловито и неторопливо чистить перья.

Сергей слышал, что Вороны умеют воспроизводить человеческую речь, но кому пришлось в голову учить дикую птицу, поговаривать столь серьезную и витиеватую фразу? Велесова накрыла волна досады от птичьего, бессмысленного говора, который ввел его в заблуждение:

– Кыш, проклятый! – не сдержавшись, крикнул он на ни в чем неповинную птицу и даже замахнулся рукой для большего эффекта.

– Сам ты кыш! – Ворон злобно посмотрел на Сергея припустив крыло, прервав процесс чистки перьев, – ишь, какой нашелся! Я его спас, а он мне кыш! Сам кыш! Не будь меня, ты бы мхом сейчас по Черной планете ползал, а не наслаждался моей компанией в куда более благоприятном месте!

Неожиданно приобретший осмысленность диалог с птицей заставил человека удивленно опуститься на камень и заново посмотреть на черноперого. Молчание затягивалось. Спустя несколько томительных минут Сергей спросил самое логичное, что пришло ему в голову:

– Где я?

– Задающий вопрос сам... – начал было Ворон, но был перебит досадливо махнувшим рукой, Сергеем.

– Да знаю, я знаю, подожди, в конце концов! Может быть, это было бы верным высказыванием, не окажись я голым посреди степей, совершенно не зная, как я сюда попал, и что мне делать. Единственным кто может помочь мне разобраться в происходящем, видимо являешься ты! Как тебя зовут?

– Разве птица имеет имя? Хоть Пушком, хоть Лопушком назови, сути это не поменяет, главное, чтобы прозвище было не обидным. Для простоты, так и величай – Ворон, – он звонко

каркнул, прочищая горло будто-бы официально представляясь, – место это тебе не знакомо. Как бы тебе проще объяснить... Все так запутанно для несведущего человека, особенно в том положении, в котором ты сейчас находишься по воле Создателя...

– Ты попробуй, я пойму! Вернее постараюсь это сделать. У меня и выбора то и нет, – чуть ли не с мольбой в голосе воззвал Сергей к черной птице.

– И да, для начала ты бы не мог одеться? Не очень удобно читать лекции голому мужчине, – Ворон блеснул глазом и из воздуха, с тихим хлопком, образовалась легкая, белая туника, – этого пока будет вполне достаточно. Все равно здесь больше никого нет. Ну, чего застыл как истукан? Ты не болен случаем?

Чудо появления легкой накидки из воздуха настолько поразило Сергея, что он несколько минут так и сидел, замерев в неподвижности, не сменяя ни позы, ни выражения лица.

Он уставился на белую, скомканную ткань как на опасную, ядовитую змею. Ворон лишь весело захихикал, наслаждаясь произведенным на человека эффектом, и это вывело Велесова из оцепенения.

Молча, без лишних вопросов, чтобы не давать лишних поводов вредной птице еще раз потешиться над ним, он смущенно и поспешно натянул незнакомую одежду, несколько раз хлопотливо запутавшись в ее складках. Стало немного теплее, но по-прежнему продувало обнаженное плечо правой руки. Человек замер в ожидании.

– Ну и? – нетерпеливо спросил он спустя какое-то время абсолютного молчания – я жду разъяснений.

– Хм... то есть ты полностью готов принять сказанное мной не отвлекаясь ни на холод, ни на чувство голода на поверхности незнакомой планеты, на которой очутился волею судеб? Реально? – Ворон очень сомневался в возможностях стоящего перед ним человека, – важные разговоры не затеваются на ходу. Нужны условия.

– Какие условия? – Сергея начинало сильно раздражать важный, спокойный вид нового знакомого, – Я здесь не вижу ни уютного пледа, ни мягких кресел, ни чашки горячего чая с печеньками. Не потрудился бы ты создать необходимую обстановку, как сотворил одежду из воздуха?

– Но будет ли в эту обстановку вложен твой труд? Сотворение чего-либо из ничего, особая практика, требующая многих лет подготовки. Я действительно могу поставить посреди степей роскошный особняк, полный вкуснейших яств и удобств. Но нужно ли мне нарушать эту красоту? Наши представления об удобстве различаются настолько, что кажутся противоположными.

– Тогда что нужно сделать, дорогой? Я колдовать не умею, – раздражение Велесова разрослось настолько, что невольно перетекло в открытую агрессию.

– Успокойся, – Ворон блеснул зеленым зрачком глаза с легкой искрой улыбки в его глубине, – а лучший способ успокоить бушующее сознание это физический труд и концентрация. Веток одного мертвого дерева мало, чтобы развести костер, но берега ручья полны принесенных паводком, разнообразных сухих деревяшек. Создай необходимый запас дров, а я позабочусь об огне. Ну? Что замер как не родной? Вперед!

Сергей с трудом пересилил себя, подчиняясь приказу самодовольной птицы. Он нехотя прошелся вдоль берега ручья, собирая одну за другой небольшие охапки хвороста, формируя их в единую грудку веток будущего костра возле мертвого дерева.

Сам того не замечая, постепенно он успокаивался, отрешенно выискивая взглядом очередную деревяшку.

Сергей уходил от сухого дерева с сидящей на нем птицей все дальше и дальше и все больше и больше погружался в чарующую красоту этого древнего места.

Огибая большой валун, Велесов уже с наслаждением вслушивался в журчание ручья и игру бликов на серой поверхности камня. Вода годами подтачивала его твердь, пробив в тяжелом гиганте большую, гладкую вымоину.

В глубине камня, не смотря на множество искрящихся бликов, как-то по-особому мерцал необычный, металлический предмет, искаженный струями бегущей над ним воды.

Заинтересованный Сергей присел на корточки и, отложив в сторону охапку сухих деревьев, с интересом запустил руку в студеную воду, распутив стайку большеглазых мальков, мирно спящих в тени валуна вопреки быстрому потоку.

Его пальцы коснулись гладкой поверхности металла, охватывая его и рука ощутила благородную тяжесть этого изделия, с усилием вырывая предмет из плена густой тины и ила, годами растущих над ним.

Стремительные струи быстро омыли грязь, годами сковывающую металл и Сергей с удивлением обнаружил в своей руке рукоять большого, странного пистолета, грозно блеснувшего под лучами восходящего солнца.

Удивленный до предела Велесов, напрягая глаза, жадно впился глазами в то место под водой, где много лет покоилось необычное оружие в его руках.

Сквозь искажающую изображение воду, он с удивлением увидел белую, костяную кисть трехпалой руки, торчащую из илистого дна ручья.

Это место было не так невинно и просто как казалось. Сергей осторожно положил пистолет на поверхность валуна, задумчиво поднимая небрежно брошенную охапку хвороста.

Вернувшись к мертвому дереву, сложив очередную охапку деревьев в общую кучу, он с задумчивым выражением лица принялся слаживать импровизированный очаг вокруг будущего кострища из маленьких, угловатых камней, во множестве находящихся на этом месте.

Его задумчивость не осталась незамеченной внимательной птицей:

– Что-то случилось? – участливо спросил Ворон, наблюдая за методичными усилиями человека, – на тебе лица нет.

– М? – Велесов не сразу выбрался из глубокой прострации, – понимаешь, в поиске дров я наткнулся на очень необычный предмет. В глубине вод я обнаружил большой пистолет, в посмертной агонии сжатый мертвецом, упокоенным в глубине стремительных вод. Что это за место? Почему так мало деревьев и так много травы?

– А ты внимательный, – черная птица невольно похвалила ждущего ответа человека, – то место где мы находимся сейчас, лишь с годами приобрело облик степей, полностью восстановившись от великой битвы, прокатившейся по этой поверхности. Раньше тут был очень густой лес, полный озер и стремительных рек. Многолетняя война изменила облик планеты, обратив леса в выжженные пустыни, которые лишь спустя годы вновь обрели травяной покров. Дерево, на котором я сижу, служит мне напоминанием о страшных временах, царящих здесь. Единственное дерево, устоявшее от взрывов и разрядов рассекавших пространство сотни лет назад.

– Что за место, что за война? Какой сейчас год? Где я? – Сергей до последнего отказывался верить, что планета, где он собирал хворост, не является привычной Землей.

– Год я не назову, чересчур разные способы летоисчисления у моей и твоей расы. Для тебя сегодняшняя дата будет всего лишь ничего не значащей цифрой из прошлого, – Ворон перепорхнул с ветки дерева на левое плечо человека, поразив Сергея неожиданной тяжестью увесистого тела:

– А вот где ты сейчас находишься, я сказать могу, – тихо, словно опасаясь, что кто-то их услышит, проговорил Ворон прямо на ухо внимающего человека, – эта планета Фаэтон во времена своего упадка, в ходе войны трех тысячелетий. Только ума не приложу, как эта информация может тебе помочь в данный момент, – черная птица захохотала и стремительно взмыла ввысь, возвращаясь на верхушку деревянного мертвеца.

– Фэтон? Бред какой-то! Я слышал легенду, что раньше между Марсом и Землей действительно вертелась на своей оси небольшая планетка, в ходе катаклизма превратившаяся лишь в груды метеоритов на прежней орбите. Но это научно не подтверждено!

– Научно не подтверждено! – коверкая речь Сергея шепелявыми интонациями, передразнил его Ворон, – ваша наука сама научно не подтверждена и представляет в твоём времени лишь набор заблуждений и домыслов. Чересчур сильны закоренелые авторитеты в этой среде и чересчур презираемы молодые авантюристы, чтобы сдвинуть ситуацию в этой сфере деятельности в лучшую сторону. В почитании авантюризма вашей расе только предстоит практиковаться, ну а пока ваш удел строить многокаскадные теории, идущие в никуда.

– Как я здесь оказался? – Велесов все еще не мог прийти в себя и оправиться от шока, – почему я оказался именно здесь?

– Потому что это мои воспоминания, Сергей. Но это одновременно и твой путь. Если бы именно ты спасал меня от рук Черного Хранителя, быть может, мы бы сейчас, поменявшись ролями, вели беседы где-либо среди серых пятиэтажек Братска, так хорошо знакомых твоему восприятию.

– Что такое Братск? – от количества вопросов рвущихся наружу закипала голова.

– Пока что не важно. Важно лишь то, что сейчас ты действительно заинтересован в продолжение беседы. Это и значило создать необходимые условия для разговора, – птица махнула крылом, формируя его поверхность в подобии большой, черной линзы и с кончиков перьев осыпался сноп искр, воспламеняя заранее заложенную Сергеем в основание костра, сухую траву.

Огонь весело затрещал, с удовольствием уминая задымившуюся древесину, полностью заполняя пространство каменного очага, сложенного человеком.

– Вот теперь приготовься к долгому рассказу, мой друг. Сказанное мной изменит все научные теории, вложенные в твою голову, годами познания и раскроет тебе причину появления здесь. Ты действительно готов, человек?

– Действительно готов, – тепло от костра приятно обволокло озябшее плечо Сергея, деловито нырнув под белую накидку на его теле.

– С этим тебе будет слушаться лучше, – Ворон вновь взмахнул крылом и в руке Сергея, приятно согревая ладонь, появилась большая, металлическая кружка вкусно пахнущего отвара, отдаленно напоминающего по запаху травяной чай, – садись по удобнее, человек. У нас много времени и некуда торопиться...

Глава 5: Всегда есть время для разговора

Сев на наиболее чистый камень и отхлебнув горячего, вкусного отвара, человек приготовился слушать. Ворон легко перепорхнул с ветки дерева на соседний валун и зачерпнул клювом воды, задорно покрутил головой, смачивая горло. Громко каркнув, черная птица принялась говорить:

– Давай так, чтобы избежать множества глупых, ненужных вопросов в дальнейшем, я постараюсь обрисовать тебе картину происходящего целостно, хорошо? Постарайся не перебивать и максимально сосредоточить внимание. Я не мастак читать ни лекции, ни рассказы, так что уважай мой труд, – Ворон, повернув в сторону Сергея правый глаз, внимательно и долго посмотрел на человека, ожидая его согласной реакции, и когда тот кивнул головой, принялся говорить.

Велесов устроился поудобнее, с интересом вслушиваясь в начавшееся повествование.

Ворон действительно начал издали:

– Человек уникальное существо. Причем каждый человек. Вы настолько привыкли к текущему положению вещей, что стоит, кому то сказать, что ваш род был не первый на вашей планете, да еще и является плодом случайного результата древнего эксперимента, скрещивания рас, как возникает волна возмущения, неприятия и обвинения в ереси.

Черная птица возмущенно каркнула, выдавая свое презрительное отношение к недалекому роду землян:

– Однако были времена, когда создания, называющие себя первородными людьми – Атлантами, ваши прародители и творцы бороздили просторы ближнего космоса, контактировали и вели войны с другими существами, владея способностями и технологиями, не доступными ныне.

Но и до первородных существовала жизнь. И они тоже не возникли сами по себе.

Нужно помнить, что любая жизнь – есть не что иное, как эксперимент Создателя. Кристалл души, небольшая искра жизни, таящаяся в каждом из нас, в каждой травинке и животном есть плод миллионов лет его кропотливой работы. Как бы не был Создатель велик и могущественен, но и ему требуются помощники. Этими помощниками стали Первые Существа – Элементали не обладавшие четкой, физической формой, функцией которых было создание материальной составляющей этого мира.

Едва Первые Существа завершили свой труд по формированию вселенных, звезд и планет, соткав их из собственной плоти по природе схожей с природой черных дыр, как Создатель принялся заселять все обозримое пространство, семенами жизни – примитивными бактериями, давая право им развиваться самостоятельно. Он завещал Элементалим придерживаться своего главного правила – не вмешиваться в текущий ход событий, с интересом наблюдая за тем, как оживали и полнились разнообразными существами планеты.

Вложив в само естество жизни механизм эволюции, Создатель, по сути, даровал полную свободу каждому микроорганизму развиваться до равного себе существа посредством миллиардов лет преобразований.

Искра жизни, помещенная им в каждую примитивную бактерию, хранила его образ, его код. Немудрено, что существа, которые в конечном итоге эволюционировали в мыслящие создания, были пусть отдаленно, но похожи на своего древнего прародителя. Разум формировал их и формировался сам, вел к совершенству, пусть эти процессы протекали в самой глубине, в подсознании. Если процесс зарождения мышления не запускался самостоятельно или давал сбой, то из семени жизни произрастало животное или растение – наши младшие братья.

Для наглядности Ворон увесисто постучал лапкой по ветке умершего дерева, будто показывая своему собеседнику, что рядом с ним, когда то произрастало и тянулось к свету существо, предельно родственное в изначальной точке эволюции.

– Множество форм существ вышли из творящего жизнь начала Создателя, – продолжила свою затягивающуюся лекцию большая птица, – Разнообразных форм. Были и удачные результаты его трудов и не очень, однако Атланты по праву могли называться лучшим его творением – существами, практически полностью воплотившими замысел Создателя.

Они были очень похожи на живущих сейчас представителей Земли, хоть были намного больше ростом, чем самые высокие представители ныне живущих на планете людей. Трехметровые, трехпалые, трехглазые гиганты быстро развивались, эволюционируя намного быстрее других форм жизни: Первородные первые живущие создания, обладающие плотью, самостоятельно выбравшиеся в космос при помощи построенных аппаратов. Первородные первые существа научившиеся использовать творящее начало своего кристалла души. Первородные первые существа, образовавшие единую, уникальную социальную систему, взявшую за основу структуру муравейника, но в отличие от насекомых, не гасящую индивидуальное начало, а поддерживающее его: четкое, ясное распределение каждой роли в обществе, превосходство интересов расы над интересами объединений и отдельных индивидуумов. Мощная, единая, целостная структура.

Первородные имели вытянутые в районе затылка головы, из-за большего размера мозга, чем у вас и в сравнении с вами непропорционально длинные конечности рук. Третий глаз располагался у них в самом центре лба, верхушкой пирамиды возвышаясь над двумя другими.

– Это все, конечно, дико увлекательно, – Сергей невольно подумал, что птица совершенно забылась, далеко отойдя от изначальной цели своего повествования. Он попытался вернуть диалог в понятное, нужное ему русло, – Но, черт возьми! Я бы с удовольствием послушал это на досуге за еще одной чашкой горячего отвара, когда в моей бедной голове утомился бы весь этот кавардак, и вновь проснулась способность внятно воспринимать что-то новое! Я не понимаю сути!

– Имеющий уши да услышит, – Ворон весело блеснул глазом, укоризненным взглядом затыкая Сергея. Когда негодующий порыв человека унялся окончательно, птица неторопливо продолжила свой рассказ:

– Именно расположение глаз сделало символ пирамиды основной архитектурной идеей их строений. Огромные, треугольные глыбы стоят на вашей планете, по сей день, не смотря на тысячелетия, катаклизмы и разрушения, пронесшиеся по поверхности Земли.

Но что еще более разительно отличало ваших праотцов от вас – до поры до времени они не были способны испытывать негативные, разрушающие их сущность и целостность эмоции, такие как гнев, зависть, страх. Чувство любви, однако, было также неведомо столь технически и духовно развитой расе. Лишь далекие зачатки радости, горя, печали, мерцали в глубине серых кристаллов их душ, что делало их все-таки несовершенным продолжением полного чувств Создателя, больше родня их с Элементариями по духовной составляющей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.